

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НА САЙТЕ

www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ПЕТРОВ И Х ПРОТИВ РОССИИ»

(жалоба № 23608/16)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

23 октября 2018 года

Вступило в силу: 4 февраля 2019 года

*Настоящее постановление вступило в силу в порядке, установленном
пунктом 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной
правке.*

По делу «Петров и Х против России»,

Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседая Палатой, в состав которой вошли:

Винсент Э. Де Гаetano, *Председатель*,

Бранко Лубарда,

Дмитрий Дедов,

Алина Полачкова,

Георгиос А. Сергидес,

Йолин Схёккинг,

Мария Елосеги, *судьи*,

а также Фатош Арази, *заместитель Секретаря Секции*,
проведя 25 сентября 2018 года заседание за закрытыми дверями,
вынес следующее постановление, принятое в указанную дату:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано на основании жалобы (№ 23608/16), поданной в Суд против Российской Федерации 25 апреля 2016 года в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») двумя гражданами Российской Федерации, Петровым Даниилом Викторовичем (далее — «первый заявитель») и Х (далее — «второй заявитель»). Суд по собственной инициативе принял решение о том, что имя второго заявителя не должно разглашаться (пункт 4 правила 47 Регламента Суда).

2. Интересы Властей Российской Федерации (далее — «Власти») представлял Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека — заместитель Министра юстиции Российской Федерации Г.О. Матюшкин, а впоследствии — его преемник на этом посту М.Л. Гальперин.

3. Заявитель в частности утверждал, что отказ в принятии решения об определении места жительства второго заявителя с первым заявителем нарушил их право на уважение семейной жизни и, более того, является дискриминацией по половому признаку.

4. 13 сентября 2016 года данная жалоба была коммуницирована Властям. В тот же день Председатель принял решение о рассмотрении данного дела в приоритетном порядке на основании правила 41 Регламента Суда.

ФАКТЫ**I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА****A. Обстоятельства, предшествовавшие делу**

5. Первый заявитель, 1975 года рождения, проживает в г. Санкт-Петербурге. Второй заявитель Х, 2012 года рождения, проживает в Московской области.

6. Заявители являются отцом и сыном. Первый заявитель направил жалобу от своего имени и от имени своего несовершеннолетнего сына.

7. До апреля 2013 года первый заявитель, его жена М. и их сын Х проживали в Санкт-Петербурге, где Х был зарегистрирован по месту жительства и наблюдался у педиатра и других специалистов в связи с хроническим заболеванием и где он был поставлен в очередь в местный детский сад.

8. 28 апреля 2013 года М. рассталась с первым заявителем и забрала Х с собой. По словам М., она ушла от первого заявителя из-за частых споров между ними, во время которых первый заявитель кричал на нее. Она оставила записку, в которой обещала связаться с ним в ближайшее время. Она отправилась в свою квартиру в г. Нижнем Новгороде. 30 апреля 2013 года она отправила ему электронное письмо с указанием своего местонахождения. По словам первого заявителя, она не оставила адрес и не отвечала на звонки по сотовому телефону. Первый заявитель безуспешно разыскивал ее в Нижнем Новгороде, где у нее и ее родителей была квартира, и в Москве, где на тот момент проживали ее родители.

9. 30 апреля 2013 года первый заявитель обратился в органы опеки г. Санкт-Петербурга за содействием в поиске его сына и возвращении его по месту постоянной регистрации в Санкт-Петербурге.

10. Позже, в тот же день первый заявитель узнал, что М. и второй заявитель находятся в Нижнем Новгороде, и 17 мая 2013 года М. разрешила ему приехать к ним.

11. С указанной даты М. разрешила заявителю видеться с сыном в среднем шесть дней в месяц, каждый раз по два часа. Однако она иногда не разрешала первому заявителю видеть сына целыми неделями или надолго увозила его из города, не сообщая первому заявителю о местонахождении их сына. Например, 29 декабря 2013 года первый заявитель пожаловался в органы опеки г. Нижнего Новгорода на то, что М. увезла Х в неизвестном направлении и отменила встречу, которая была назначена по взаимной договоренности на 27 декабря 2013 года.

В. Производство по вопросу определения места жительства ребенка

12. 30 августа 2013 года М. обратилась в Нижегородский районный суд г. Нижнего Новгорода с исковым заявлением о расторжении брака и об определении места жительства Х. В частности, она указала, что до сих пор находится в отпуске по уходу за ребенком, и ее сын находится на грудном вскармливании. Она имела долю собственности в квартире родителей, в которой она и сын занимали комнату. Она также утверждала, что может обеспечить лучшие условия для развития ребенка, поскольку у нее есть высшее образование, хорошие рекомендации с прежнего места работы, а также, поскольку она спокойный и любящий ребенка человек.

13. М. представила заключение психолога Л., у которого она и первый заявитель консультировались относительно проблем в браке до их расставания. Л. отметил, что причиной их супружеских проблем являлась скрытая агрессия первого заявителя по отношению к М. и его желание доминировать над ней. Л. счел, что в случае развода в интересах Х будет проживание с его матерью.

14. Первый заявитель во встречном иске просил оставить без удовлетворения ходатайство М. об определении места жительства и вернуть Х из Нижнего Новгорода в Санкт-Петербург. Он утверждал, что для ребенка будет лучше, если он и оба родителя будут жить в Санкт-Петербурге по следующим причинам. Во-первых, первый заявитель тратит значительные средства на поездки в Нижний Новгород, чтобы увидеть сына. Если бы вся семья проживала в Санкт-Петербурге, то эти деньги могли бы быть потрачены на нужды ребенка. Во-вторых, условия жизни в Санкт-Петербурге лучше, чем в Нижнем Новгороде. Первый заявитель

имеет в собственности три просторных квартиры в Санкт-Петербурге и дачу в области, в то время как в Нижнем Новгороде семья М. имеет в собственности лишь небольшую двухкомнатную квартиру. Санкт-Петербург обеспечивает лучшие возможности для развития и образования, там больше спортивных комплексов, лучше школы и университеты, в этом городе расположены всемирно известные объекты культурного наследия. Кроме того, в городе выше качество медицинских услуг, менее загрязненный воздух и более низкий уровень преступности, чем в Нижнем Новгороде. В-третьих, второй заявитель родился в Санкт-Петербурге и проживал там до того, как его увезла М. Он имеет там постоянную регистрацию по месту жительства, он наблюдался у педиатра и других специалистов и был поставлен на очередь в детский сад. Кроме того, дедушка и бабушка Х, а также другие родственники со стороны отца проживают в Санкт-Петербурге. В случае согласия М. на переезд в Санкт-Петербург, первый заявитель предложил предоставить в безвозмездное пользование ей одну из трех своих квартир. Он предложил схему, в соответствии с которой Х проживал бы с ним одну третью часть каждого месяца, а две трети каждого месяца — с М. до достижения им возраста трех лет, и половину каждого месяца с каждым из родителей после достижения указанного возраста. Он утверждал, что такая схема обеспечила бы поддержание вторым заявителем семейных связей с обоими родителями.

15. Впоследствии первый заявитель подал встречное исковое заявление о рассмотрении вопроса об определении места жительства в отношении второго заявителя. Он утверждал, что возраст Х сам по себе не может служить основанием для его проживания с матерью. Ему было более полутора лет, и необходимость в грудном вскармливании отсутствовала. Он представил копию медицинских документов Х, из которых следовало, что грудное вскармливание было прекращено в мае 2013 года. Также первый заявитель утверждал, что он имеет стабильный доход в виде процентов от банковского вклада, а М. не имеет дохода и живет на алименты на ребенка, которые он выплачивает ей. Он работал волонтером в ряде социальных НПО, имел гибкий график работы и, следовательно, мог посвящать много времени своему сыну. Фактически, в то время, когда они жили вместе, он проводил с сыном столько же времени, сколько и М., и нес ответственность за ежедневный уход за ним в равной степени. Он и ребенок были сильно привязаны друг к другу. Учитывая образование и биографию, первый заявитель мог обеспечить ребенку лучшее воспитание. Например, у него был опыт преподавательской деятельности — в частности, он работал педагогом в детских летних лагерях. Далее первый заявитель утверждал, что М. похитила ребенка. Она ограничивала контакт первого заявителя с сыном и иногда надолго увозила его, не сообщая первому заявителю о месте своего нахождения. Он обещал, что, если ребенок будет проживать с ним, он никоим образом не станет препятствовать его контакту с матерью.

16. Нижегородский районный суд отказался принимать к рассмотрению заявление первого заявителя об определении места жительства, указав, что он должен был подать его в начале разбирательства. Он также отказал в приобщении медицинской карты Х к материалам дела, установив, что она не имеет отношения к делу, и что М. была единственным человеком, который мог сказать, находится ли Х на грудном вскармливании.

17. Наконец, первый заявитель ходатайствовал о назначении судом в отношении него, М. и второго заявителя психологической экспертизы для оценки пригодности каждого из родителей для воспитания ребенка, а также отношения между каждым из родителей и ребенком. Нижегородский районный суд оставил это ходатайство без удовлетворения. Однако он попросил органы опеки Нижнего Новгорода и Санкт-Петербурга оценить жилищные условия первого заявителя и М., и высказать мнение по вопросу места жительства второго заявителя.

18. Родители первого заявителя обратились в Нижегородский районный суд с ходатайством о привлечении их в качестве третьей стороны, а также об определении места жительства второго заявителя в Санкт-Петербурге. Они утверждали, в частности, что не видели своего внука с марта 2013 года, поскольку М. отказывалась привозить его в Санкт-Петербург. Они не могли навещать его в Нижнем Новгороде, поскольку мать первого заявителя являлась инвалидом и не могла ездить в этот город, находящийся в более чем 1 000 километрах. Отец первого заявителя не мог оставить свою жену без помощи и, поэтому, тоже не мог отправиться в Нижний Новгород. Решение по определению места жительства второго заявителя в Нижнем Новгороде с матерью, таким образом, с высокой степенью вероятности означало, что они больше никогда не увидят внука. Нижегородский районный суд оставил без удовлетворения их ходатайство об участии в деле в качестве третьей стороны, придя к выводу, что они могут подать отдельное исковое заявление.

19. 20 ноября 2013 года Нижегородский районный суд отложил рассмотрение дела до 20 февраля 2014 года, предоставив первому заявителю и М. время для возможного мирного урегулирования спора.

20. 18 февраля 2014 года органы опеки Санкт-Петербурга составили заключение по делу, придя к выводу, что второму заявителю лучше жить с отцом, учитывая интересы второго заявителя. В заключении было отмечено, что М. увезла ребенка и некоторое время скрывала его местонахождение от первого заявителя. Она ограничивала общение первого заявителя с ребенком. Она не работала и не имела дохода, помимо денежных средств, выплачиваемых первым заявителем. Единственным ее имуществом была доля в двухкомнатной квартире ее родителей в Нижнем Новгороде. Родители М. проживали в Москве. Напротив, первый заявитель имел стабильный и достаточный доход в виде процентов по банковскому вкладу и имел возможность не работать. Таким образом, он имел возможность уделять большую часть своего времени ребенку. Он имел в собственности двухкомнатную квартиру в Санкт-Петербурге, а также доли в двух других квартирах. Родители первого заявителя проживают в Санкт-Петербурге. Его мать прикована к инвалидному креслу, что ограничивает ее возможность посещать Нижний Новгород, чтобы увидеть внука.

21. 31 марта 2014 года органы опеки Нижнего Новгорода также составили заключение по делу, придя к выводу, что в интересах второго заявителя ему лучше жить с матерью. Они пришли к выводу, что у М. хорошие жилищные условия, она получает выплаты на содержание ребенка от первого заявителя, а также финансовую поддержку от своих родителей. По словам М., ребенок находился на грудном вскармливании, и М. находилась в отпуске по уходу за ребенком, посвящая сыну все свое время. Она не хотела возвращаться в Санкт-Петербург. Первый заявитель действительно имел хорошие жилищные условия и принимал активное участие в уходе за ребенком и его воспитании. Однако, учитывая малолетний возраст Х, на данный момент ему лучше жить с матерью. В ответ на вопрос заявителя органы опеки Нижнего Новгорода в своем письме от 12 мая 2014 года разъяснили, что «малолетним возрастом» считается возраст до 18 лет, а «в данный момент» означает до изменения обстоятельств, например, до достижения ребенком десяти или четырнадцати лет.

22. Решением от 4 апреля 2014 года Нижегородский районный суд расторг брак и удовлетворил ходатайство М. об определении места жительства второго заявителя. Суд, в первую очередь, ссылаясь на мнение органов опеки Нижнего Новгорода от 31 марта 2014 года. Затем он отметил, что семья проживала в Санкт-Петербурге до момента, когда М. рассталась с мужем и переехала в Нижний Новгород, взяв с собой ребенка. М. принадлежала часть квартиры в Нижнем Новгороде, в которой она проживала с Х; что в квартире имелось все необходимое для маленького ребенка. Районный суд продолжил:

«Из доводов [М.] следует, что она все еще кормит ребенка грудью. [М.] находится в отпуске по уходу за ребенком и посвящает ему все свое время. Родители [М.] помогают ей ухаживать за ребенком и оказывают ей [финансовую] помощь. [Первый заявитель] добровольно выплачивает [М.] 15 000 [рублей] ежемесячно. Ребенок стоит на очереди в детский сад.

[Первый заявитель] ... принимает активное участие в жизни его сына. Он хочет, чтобы ребенок проживал в Санкт-Петербурге, где он создал все необходимые для него условия. Однако [М.] категорически отказывается переезжать в Санкт-Петербург.

Оба родителя имеют положительные характеристики и желание жить вместе с ребенком и непосредственно участвовать в его воспитании.

При таких обстоятельствах, исходя исключительно из интересов ребенка и его ситуации, принимая во внимание его возраст, суд считает целесообразным определить место жительства [Х] с [М.] на данный момент.

Суд напоминает сторонам, что в соответствии со статьей 66 Семейного кодекса родитель, проживающий отдельно от ребенка, имеет право на общение с ребенком, участие в его воспитании и решении вопросов получения ребенком образования. Родитель, с которым проживает ребенок, не должен препятствовать общению ребенка с другим родителем, если такое общение не причиняет вред физическому и психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию.

Финансовая ситуация [первого заявителя] позволяет ему навещать ребенка в Нижнем Новгороде (по словам [первого заявителя], его ежемесячный доход составляет 60 000 рублей).

Доводы [первого заявителя] о том, что в Санкт-Петербурге воздух менее загрязнен, там ниже уровень преступности и лучше местная инфраструктура для детей по сравнению с Нижним Новгородом, не имеют юридической значимости, поскольку местом жительства ребенка является место жительства родителей. В настоящем деле суд определяет место жительства ребенка с матерью [М.]; текущее место жительства [М.] находится в Нижнем Новгороде».

23. Первый заявитель обжаловал решение суда, повторив предыдущую аргументацию. Он также пожаловался на то, что районный суд не провел комплексное рассмотрение дела. В частности, районный суд не принял во внимание мнение органов опеки Санкт-Петербурга от 18 февраля 2014 года. Он даже не сослался на мнение указанных органов, не говоря уже о том, чтобы объяснить причины несогласия с этим мнением. Единственной причиной, заявленной районным судом при принятии решения об определении места жительства ребенка с матерью, был возраст ребенка. Возраст ребенка является только одним из критериев, упомянутых в статье 65 Семейного кодекса Российской Федерации (см. пункт 58 ниже), который внутригосударственные суды принимают во внимание при вынесении решения о месте жительства ребенка. Районный суд не учел другие критерии, указанные в статье 65. Он также не назначил проведение психологической экспертизы по установлению отношений ребенка с каждым из родителей в его интересах. Кроме того, учитывая, что второму заявителю было более полутора лет в момент вынесения решения районным судом, отсутствовали основания для автоматического предпочтения места жительства с матерью в сравнении с проживанием с его отцом. Такое автоматическое предпочтение матери перед отцом в случае, когда отец может предоставить лучшие условия для проживания и развития ребенка, представляет собой дискриминацию по половому признаку. Первый заявитель также оспаривал ряд фактов, установленных районным судом. В частности, медицинские документы второго заявителя содержали сведения, что грудное вскармливание ребенка было прекращено в возрасте одного года. В любом случае, официальные медицинские рекомендации предписывали прекращать грудное вскармливание не позднее достижения возраста полутора лет. Кроме того, М. скорее была безработной, чем находилась в отпуске по уходу за ребенком, поскольку она не работала с 2009 года. В любом случае, М. снова вышла на работу в декабре 2014 года, и с этого момента в течение дня о втором заявителе заботилась его бабушка со стороны матери. Для сравнения, первый

заявитель имел достаточный доход, не связанный с трудовой деятельностью, и гибкий график социально-волонтерской деятельности, и, следовательно, имел возможность самостоятельно заботиться о ребенке. Наконец, первый заявитель утверждал, что право ребенка не быть отобранным у одного из родителей и не удерживаться вторым является неотъемлемой частью концепции «наилучших интересов» ребенка (он ссылаясь на постановление Европейского Суда от 6 декабря 2007 года по делу «Момуссо и Вашингтон против Франции» (*Maumousseau and Washington v. France*), жалоба № 39388/05). М. похитила второго заявителя и ограничивала число и продолжительность визитов первого заявителя, включая период после вынесения решения районным судом. В целом, в течение последних девятнадцати месяцев ему разрешили увидеть сына лишь 122 раза. Наконец, первый заявитель жаловался на то, что отказ рассмотреть его встречное исковое заявление (т.е. заявление об определении места жительства с ним) являлся незаконным.

24. 2 октября 2014 года первый заявитель направил жалобу в органы опеки Нижнего Новгорода на то, что М. продолжала ограничивать его общение с сыном. В частности, в нескольких случаях она разрешала посещение, но после того, как первый заявитель приезжал из Санкт-Петербурга в Нижний Новгород, она меняла мнение и не позволяла ему увидеться с сыном.

25. 10 марта 2015 года Нижегородский областной суд оставил без изменения решение от 4 апреля 2014 года. Суд постановил следующее:

«Проанализировав совокупность доказательств в материалах дела, в том числе мнение органов опеки по существу дела, [районный суд] пришел к обоснованному выводу о том, что принятие в отношении [Х] решения об определении места жительства с его отцом не отвечает интересам ребенка, который после расставания родителей воспитывался матерью.

Суд отклоняет доводы [первого заявителя], приводящиеся в его апелляционной жалобе, ... которые по сути выражают несогласие с оценкой доказательств [районным судом]. Суд отмечает, что лучшее финансовое или социальное положение родителя или более высокая профессиональная позиция не являются решающими факторами при вынесении решения по вопросу места жительства ребенка ...

В настоящем деле [районный суд] дал всестороннюю оценку доказательствам, представленным сторонами в поддержку своих требований и возражений. Выводы суда основаны на доказательствах в материалах дела. Нет никаких оснований сомневаться в беспристрастности рассмотрения и оценке доказательств ...»

Суд также добавил, что вопрос общения ребенка с бабушкой и дедушкой подлежит рассмотрению в ходе отдельного разбирательства. Кроме того, отказ рассмотреть встречное исковое заявление первого заявителя не нарушил его права, поскольку внутригосударственные суды должны были определить место жительства ребенка с родителем, который лучше отвечал его потребностям, независимо от того, который из родителей первым обратился с заявлением о принятии решения об определении места жительства в его или ее пользу, и от того, подал ли другой родитель встречный иск.

26. 13 марта 2015 года органы опеки Нижнего Новгорода сообщили первому заявителю, что они провели беседу с М., в ходе которой ей разъяснено, что она должна сообщать отцу ребенка о месте нахождения ребенка и что ребенок имеет право на поддержание общения с бабушкой, дедушкой и другими родственниками.

27. 12 июня 2015 года мать первого заявителя скончалась. Она не видела своего внука с апреля 2013 года.

28. 6 октября 2015 года судья Нижегородского областного суда отказал в передаче кассационной жалобы заявителя на решение об определении места жительства на рассмотрение Президиума вышеуказанного суда, не установив каких-либо существенных нарушений материального или процессуального законодательства, повлиявших на исход

разбирательства. Суд отметил, в частности, что основной причиной принятия решения об определении места жительства с М. стал возраст второго заявителя. В указанных обстоятельствах аргумент первого заявителя о том, что для ребенка лучше будет проживать с отцом, являлся неубедительным. Действия М., которая увезла ребенка из Санкт-Петербурга, не могут квалифицироваться как похищение человека, уголовное преступление, предусмотренное статьей 126 Уголовного кодекса. М. не совершила уголовного преступления, переехав в Нижний Новгород с сыном. Наконец, судья не нашел доказательств дискриминации.

29. 27 октября 2015 года судьей Верховного Суда Российской Федерации было отказано в передаче дела на рассмотрение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в связи с тем, что не было допущено каких-либо существенных нарушений материального или процессуального права, повлиявших на исход дела.

С. Производство по вопросу определения порядка общения

30. 9 сентября 2015 года М. переехала в Москву, где она нашла работу. Х остался в Нижнем Новгороде вместе с его бабушкой по материнской линии.

31. В неустановленный день первый заявитель обратился в Нижегородский районный суд с заявлением об определении порядка общения, утверждая, что М. по собственной прихоти определила дни, когда он может общаться с сыном, не приняв во внимание, что он проживал в другом городе, и что она периодически запрещала ему общаться с сыном в течение длительных периодов.

32. 29 сентября 2015 года Нижегородский районный суд удовлетворил заявление заявителя об определении временного порядка общения. Он определил следующий порядок общения. На время основных разбирательств по вопросу об определении порядка общения заявитель должен общаться с сыном не более десяти дней подряд, начиная с первой среды каждого месяца, с 10:00 до 13:00 и с 17:00 до 20:00, если стороны не договорятся иначе. Общение должно проходить по месту жительства Х, в присутствии матери или в ее отсутствие при ее согласии, и они должны иметь право посещать детские мероприятия вне дома, если Х будет здоров. Суд также распорядился, что М. должна незамедлительно уведомлять первого заявителя по телефону, если Х заболел, и за два дня извещать его о временной смене места жительства. Если заявители не видятся более десяти дней, то М. должна обеспечить их общение посредством IP-телефонии продолжительностью не менее пяти минут каждые два дня. М. не должна препятствовать присутствию первого заявителя во время прохождения Х медицинских процедур или во время посещения им образовательных или развлекательных мероприятий. Она также должна советоваться с первым заявителем в письменном виде, прежде чем принимать решения о лечении или образовании Х.

33. 8 декабря 2015 года Нижегородский областной суд в апелляционном порядке оставил постановление об определении временного порядка общения без изменений.

34. В неустановленный день Нижегородский районный суд назначил экспертизу для определения отношений между Х с каждым из его родителей.

35. 19 января 2016 года коллегия психологов и психиатров осмотрела заявителей и М. и установила, что Х имеет привязанность к обоим родителям и эмоционально близок с ними. Они оба участвовали в образовании Х, хотя их методы отличались: М. мягче, больше позволяет ребенку и больше его поддерживает, а первый заявитель более властный и не всегда принимает во внимание возраст и уровень развития Х. Х более возбудимый и более капризный в присутствии отца, в то время как присутствие матери оказывает на него

успокаивающее влияние. По словам Х, его семья состоит из его матери и бабушки и дедушки по материнской линии. Эксперты сочли важным, чтобы Х имел постоянное место жительства; попеременное проживание в двух местах не рекомендуется в его возрасте. В то же время регулярное общение с отцом являлось необходимым для его сбалансированного психологического развития. Нерегулярное общение с каким-либо из родителей неблагоприятно отразится на отношениях с этим родителем.

36. 1 февраля 2016 года М. и Х переехали в Московскую область.

37. 29 марта 2016 года Нижегородский районный суд установил, что служба судебных приставов не принимает никаких мер для исполнения определения суда от 29 сентября 2015 года об определении временного порядка общения и постановил, что служба судебных приставов должна устранить нарушение прав первого заявителя.

38. Он предписал, что М. должна советоваться с первым заявителем в письменном виде, прежде чем принимать решения о лечении или образовании Х. Он также определил следующий порядок общения. Заявители должны иметь возможность общения (i) по субботам и воскресеньям четных недель с 11:00 до 18:00 по месту жительства Х с правом посещать детские мероприятия; (ii) в течение двух недель летом по месту жительства первого заявителя с правом ездить в другие места в России. Этот порядок действует до достижения Х семилетия, после чего он должен быть пересмотрен.

39. 8 июля 2016 года Нижегородский районный суд оставил без удовлетворения ходатайство первого заявителя о незамедлительном исполнении решения суда об определении порядка общения от 27 апреля 2016 года, установив, что оно не относится к категории дел, в которых законодательством предусмотрено незамедлительное исполнение. Не имелось никаких особых обстоятельств, оправдывающих незамедлительное исполнение, например, обстоятельств, при которых задержка в исполнении может привести к серьезному вреду или к невозможности исполнения решения в будущем.

40. 31 августа 2016 года Петроградский районный суд г. Санкт-Петербурга удовлетворил ходатайство об определении порядка общения, поданное дедушкой и двоюродной бабушкой Х по отцовской линии. Он установил, что М. не позволяла им видеться с Х. Он постановил, что они должны общаться с Х пять последовательных дней каждые два месяца. Ввиду их преклонного возраста и невозможности ездить на длинные расстояния общение должно проходить в Санкт-Петербурге, куда Х должен привозиться либо М., либо первым заявителем.

41. 13 сентября 2016 года М. была оштрафована за препятствование общению между заявителями в нарушение определения суда об определении временного порядка общения от 29 сентября 2015 года.

42. 14 сентября 2016 года Нижегородский районный суд установил, что, несмотря на его решение от 29 марта 2016 года, служба судебных приставов не принимает никаких мер для приведения в исполнение определения об определении временного порядка общения от 29 сентября 2015 года и вновь постановил, что служба судебных приставов должна устранить нарушение прав первого заявителя.

43. 25 октября 2016 года Нижегородский областной суд оставил в силе постановление суда об определении порядка общения от 27 апреля 2016 года. При этом он внес изменения в порядок общения, постановив, что в дополнение к определенному районным судом времени общения заявители должны иметь возможность общения (i) с 15:00 до 19:00 в каждый день рождения Х по месту жительства Х; (ii) в первую среду и третью пятницу каждого месяца с 15:00 до 19:00 по месту жительства Х; и (iii) полчаса каждый день посредством сети Интернет.

44. 13 марта 2017 года судья Нижегородского областного суда отказал в передаче на рассмотрение Президиума данного суда кассационной жалобы первого заявителя на решение

суда об установлении порядка общения от 27 апреля 2016 года, которое было оставлено без изменений 25 октября 2016 года, не установив существенных нарушений материального или процессуального права, повлиявших на результат разбирательства.

45. 4 апреля 2017 года Санкт-Петербургский городской суд в апелляционном порядке изменил порядок общения, установленный решением от 31 августа 2016 года, установив, что график общения был слишком обременительным для Х и М. Он постановил, что бабушка и двоюродная бабушка Х по отцовской линии должны иметь возможность общаться с ним в течение семи дней каждые шесть месяцев по месту жительства бабушки.

46. 18 апреля 2017 года судья Верховного Суда Российской Федерации отказал в передаче кассационной жалобы первого заявителя на решение об определении порядка общения от 27 апреля 2016 года, оставленное без изменений 25 октября 2016 года, на рассмотрение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда, не установив каких-либо существенных нарушений материального или процессуального права, повлиявших на исход дела.

47. 1 марта 2018 года Железнодорожный городской суд Московской области предоставил первому заявителю право привозить Х в Санкт-Петербург на десять дополнительных дней во время летних каникул. Он также увеличил время, которое заявители могут проводить вместе в дни рождения Х. 11 июля 2018 года Московский областной суд отменил постановление в апелляционном порядке и оставил без удовлетворения ходатайство первого заявителя об изменении графика общения, установив, что график общения, определенный постановлением от 27 апреля 2016 года, действует до семилетия Х, и что оснований для его изменения до этой даты не имеется.

48. По словам Властей, сейчас Х проживает в Московской области вместе с матерью. Первый заявитель арендует квартиру недалеко от нового места жительства Х и регулярно приезжает из Санкт-Петербурга для того, чтобы навестить его. М. не препятствует общению между заявителями. Первый заявитель выплачивает алименты, но иной финансовой помощи не оказывает.

Д. Заявление о присуждении компенсации за чрезмерную длительность судебного разбирательства по вопросу об определении места жительства и порядка общения

49. 27 апреля 2015 года первый заявитель, действуя от своего имени и от имени второго заявителя, подал жалобу в Нижегородский областной суд о присуждении компенсации морального вреда, причиненного ему в связи с чрезмерной продолжительностью судебного разбирательства при рассмотрении спора об определении места жительства ребенка, а также о компенсации судебных расходов. В частности, он утверждал, что характер спора требовал определенной оперативности со стороны российских судов. Фактически, дело касалось спора о месте жительства очень маленького ребенка, который, вследствие задержек при рассмотрении дела, незаконно проживал со своей матерью почти два года.

50. Определением от 8 мая 2015 года судья Нижегородского областного суда объявил иск, поданный от имени второго заявителя, неприемлемым. Суд пришел к выводу о том, что второй заявитель не является стороной разбирательства об определении места жительства, и, следовательно, не вправе требовать компенсации за предполагаемую чрезмерную продолжительность такого разбирательства.

51. Первый заявитель обжаловал это решение, утверждая, что разбирательство об определении места жительства имело непосредственное влияние на второго заявителя путем определения условий относительно его места жительства. Таким образом,

продолжительность разбирательства об определении места жительства нарушала права второго заявителя.

52. Апелляционным определением от 8 июля 2015 года Судебная коллегия по административным делам Нижегородского областного суда оставила определение от 8 мая 2015 года в силе, признав его законным, обоснованным и справедливым.

53. Решением от 9 июля 2015 года Нижегородский областной суд присудил первому заявителю 30 000 (тридцать тысяч) рублей (около 475 евро) в качестве компенсации морального вреда и 12 886,40 (двенадцать тысяч восемьсот восемьдесят шесть рублей 40 копеек) в качестве компенсации расходов и издержек, подлежащих выплате Министерством финансов Российской Федерации. Суд отметил, что разбирательство длилось один год, шесть месяцев и семь дней в двух инстанциях. Он установил, что разбирательства являлись продолжительными не по вине первого заявителя. Он также постановил, что дело было простым, экспертиза не назначалась, и свидетели не допрашивались. Имели место серьезные задержки в ходе разбирательства по вине районного суда, в частности, чрезмерно длительные промежутки между слушаниями, отсрочки, вызванные неоднократным отсутствием уведомления сторон о датах назначенных заседаний, и существенные задержки при исполнении мотивированного решения суда от 4 апреля 2014 года, а также заслушивании протоколов сторон и передаче апелляционных жалоб сторон в областной суд. Соответственно, дело первого заявителя не было рассмотрено в «разумные сроки». При вынесении решения о сумме компенсации областной суд отметил, что дело касалось спора о месте жительства ребенка и что задержка его рассмотрения создавала правовую неопределенность в отношении места жительства ребенка и препятствовала осуществлению прав первого заявителя на общение с ребенком.

54. Определением от 19 августа 2015 года судья Нижегородского областного суда отказался передать кассационную жалобу первого заявителя в отношении определения от 8 мая 2015 года, оставленного без изменения 8 июля 2015 года, на рассмотрение Президиума вышеуказанного суда, не установив каких-либо существенных нарушений материального или процессуального законодательства, повлиявших на исход дела.

55. Апелляционным определением от 30 сентября 2015 года Судебная коллегия по административным делам Нижегородского областного суда оставила решение Нижегородского областного суда от 9 июля 2015 года в силе, признав его законным, обоснованным и справедливым.

56. Определением от 27 ноября 2015 года судьей Верховного Суда Российской Федерации было отказано в передаче кассационной жалобы первого заявителя на определение от 8 мая 2015 года, оставленного без изменения 8 июля 2015 года, на рассмотрение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда, не установив каких-либо существенных нарушений материального или процессуального законодательства, повлиявших на исход дела.

57. 5 июля 2017 года Нижегородский областной суд присудил заявителям 30 000 рублей (около 475 евро) в качестве компенсации морального вреда и 11 398,34 рублей в качестве компенсации расходов и издержек, подлежащих выплате Министерством финансов Российской Федерации, за чрезмерную длительность разбирательства по вопросу об определении порядка общения. Суд в частности установил, что чрезмерная длительность судопроизводства по определению точного графика общения между заявителями привела к недостаточному общению и негативно отразилась на их личной связи.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

58. Семейный кодекс Российской Федерации предусматривает, что в случае раздельного проживания родителей место проживания ребенка устанавливается соглашением родителей. При отсутствии соглашения, место проживания ребенка устанавливается решением суда с учетом интересов ребенка и его мнения по данному вопросу. При этом суд учитывает привязанность ребенка к каждому из родителей, братьям и сестрам, возраст ребенка, нравственные и иные личные качества родителей, отношения, существующие между каждым из родителей и ребенком, возможность создания ребенку условий для воспитания и развития (в свете рода деятельности, режима работы родителей, материального и семейного положения родителей и др.) (статья 65).

59. Родитель, проживающий отдельно от ребенка, имеет право на общение с ребенком, участие в его воспитании и решении вопросов получения ребенком образования. Родитель, с которым проживает ребенок, не должен препятствовать общению ребенка с другим родителем, если такое общение не причиняет вред физическому и психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию. Родители вправе заключить соглашение в письменной форме о порядке осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка. Если родители не могут прийти к соглашению, спор разрешается судом по заявлению родителей (одного из них) с участием органа опеки и попечительства. При невыполнении решения суда к виновному родителю применяются меры, предусмотренные гражданским процессуальным законодательством. При злостном неисполнении решения суда суд по требованию родителя, проживающего отдельно от ребенка, может принять решение о передаче ему ребенка исходя из интересов ребенка и с учетом мнения ребенка (статья 66, действовавшая в период рассматриваемых событий).

60. Ребенок имеет право на поддержание контакта с его родителями, дедушками и бабушками, братьями, сестрами и другими родственниками. Развод родителей, их раздельное проживание или аннулирование брака не влияют на права ребенка. В частности, в случае раздельного проживания родителей, ребенок вправе поддерживать связь с ними обоими (пункт 1 статьи 55).

61. Ребенок вправе выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного разбирательства. Учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам (статья 57).

62. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации предусматривает, что в любой момент до вынесения судом решения по делу ответчик может подать встречное исковое заявление, которое должно рассматриваться одновременно с первоначальным иском (статья 137).

ПРАВО

I. ОХВАТ ДЕЛА

63. Суд отмечает, что заявители подали несколько новых жалоб по статьям 8 и 14 Конвенции в своем ответе на замечания Властей. В частности, они жаловались на то, что график общения, определенный решением об определении временного порядка общения,

являлся дискриминационным по отношению к первому заявителю по половому признаку, и что в исполнении решения об определении порядка общения имелись задержки.

64. По мнению Суда, новые жалобы, поданные заявителями, не являются уточнением их первоначальной жалобы, поданной в Суд 25 апреля 2016 года и коммуницированной Властям 13 сентября 2016 года. Следовательно, Суд не будет рассматривать их (аналогичная мотивировка приводится в постановлении Суда от 30 марта 2004 года по делу «Нурай Шен против Турции (№ 2)» (*Nuray Şen v. Turkey (no. 2)*), жалоба № 25354/94, пункт 200, в постановлении Суда от 28 марта 2006 года по делу «Мальник против Украины» (*Melnik v. Ukraine*), жалоба № 72286/01, пункты 61-63, в постановлении Суда от 29 июля 2010 года по делу «Копылов против России» (*Kopylov v. Russia*), жалоба № 3933/04, пункты 109-10; в постановлении Суда от 1 августа 2013 года по делу «Антонюк против России» (*Antonyuk v. Russia*), жалоба № 47721/10, пункты 93-94; и в постановлении Суда от 12 декабря 2017 года по делу «Малинин против России» (*Malinin v. Russia*), жалоба № 70135/14, пункты 52-53).

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ И ПРЕПЯТСТВОВАНИЕ ПРАВУ НА ПОДАЧУ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЖАЛОБЫ И ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ ОТКАЗ СОТРУДНИЧАТЬ С СУДОМ

65. В своих замечаниях по вопросу приемлемости жалобы и по ее существу Власти просили Суд признать жалобу неприемлемой в соответствии с пунктом 3 статьи 35 Конвенции, как злоупотребление правом на подачу жалобы на том основании, что первый заявитель скрыл от Суда информацию, имеющую отношение к делу, и использовал оскорбительные выражения в отношении Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

66. В ответ заявителя жаловались на то, что тот факт, что Уполномоченный Российской Федерации скрыл факт своего близкого знакомства с отцом М. и искажил соответствующие факты, является отказом от сотрудничества и препятствованием осуществлению его права на подачу индивидуальной жалобы согласно статье 34 Конвенции. Соответствующие положения Конвенции звучат следующим образом:

Статья 34

«Суд может принимать жалобы от любого физического лица, ... которое утверждает, что явилось жертвой нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон его прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права.

Статья 35

«3. Суд объявляет неприемлемой любую индивидуальную жалобу, поданную в соответствии с положениями статьи 34, если он сочтет, что:

(а) жалоба является ... злоупотреблением правом подачи индивидуальной жалобы; ...»

Статья 38.

«Суд рассматривает дело с участием представителей заинтересованных сторон и, если это необходимо, предпринимает расследование обстоятельств дела, для эффективного проведения которого Высокие Договаривающиеся Стороны создают все необходимые условия».

А. Доводы сторон

67. Власти утверждали, что первый заявитель злоупотребил своим правом на подачу индивидуальной жалобы, поскольку он не сообщил Суду о судебных решениях об определении порядка общения, вынесенных внутригосударственными судами, и не предоставил копию экспертного заключения от 19 января 2016 года, представив тем самым одностороннюю версию событий. Они утверждали, что в соответствии с пунктом 7 правила 47 Регламента Суда первый заявитель был обязан проинформировать Суд о всех обстоятельствах, имеющих отношение к жалобе, в том числе предоставить информацию о любых важных событиях, произошедших после подачи жалобы (они сослались на решение Суда от 3 июля 2007 года по делу «Познански и другие против Германии» (*Poznanski and Others v. Germany*)), жалоба № 25101/05; решение Суда от 25 сентября 2007 года по делу «Хадрабова и другие против Чешской Республики» (*Hadrabová and Others v. the Czech Republic*), жалоба № 42165/02; и решение Суда от 23 октября 2012 года по делу «Червенакова против Чешской Республики» (*Červeňáková v. the Czech Republic*), жалоба № 26852/09).

68. Заявители изначально утверждали, что импульсом для подачи первоначальной жалобы было вынесение решения об определении места жительства в пользу М.; они не жаловались на производство по вопросу об определении порядка общения, которое еще не было завершено на момент подачи ими своих замечаний. Чрезмерно сосредоточившись на производстве по вопросу об определении порядка общения, которое не являлось предметом настоящей жалобы, Власти пытались отвлечь внимание от производства по вопросу об определении места жительства и привлечь его к второстепенному вопросу, который хоть и имел отношение к оценке основной проблемы, не мог подменить его.

69. Заявители также утверждали, что постановление об определении порядка общения от 27 апреля 2016 года было вынесено после подачи ими жалобы в Суд, и, следовательно, они не могли приложить его к формуляру жалобы; однако они упомянули, что ведется производство по вопросу об определении порядка общения. Постановление об определении порядка общения вступило в силу лишь 25 октября 2016 года, и на момент представления заявителями своих замечаний оно еще не вступило в силу, поскольку велось производство по его обжалованию. Таким образом, стороны не могли ссылаться на него в ходе разбирательств в Суде. Однако 18 октября 2016 года заявители представили в Суд решение об определении временного порядка общения и упомянули в том же письме о существовании решения об определении порядка общения от 27 апреля 2016 года. Наконец, экспертное заключение от 19 января 2016 года не имело непосредственного отношения к настоящей жалобе на производство по вопросу об определении места жительства. Фактически оно составлено после окончания производства по вопросу об определении места жительства и в рамках ведущегося производства по вопросу об определении порядка общения. В любом случае, экспертное заключение подтверждало, что Х был весьма привязан к своему отцу.

70. Заявители также утверждали, что бывший Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека г-н Матюшкин имел предвзятое отношение к делу. По словам заявителей, отец М. являлся личным тренером г-н Матюшкина по айкидо и его близким другом. Они представили фотографию, на которой изображены г-н Матюшкин и отец М., и утверждали, что она была сделана на праздновании дня рождения отца М. в 2009 году. Не указав о своем персональном отношении к делу, г-н Матюшкин ввел Суд в заблуждение; следовательно, представленные им замечания не должны приниматься (см. правило 44D Регламента Суда). Эти замечания содержали личные беспричинные нападки на первого заявителя и множественные искажения фактов по делу. Таким образом, г-н Матюшкин скрыл имеющую отношение к делу информацию и документы, в частности

те, в которых демонстрируется, что М. не исполняла постановления об определении порядка общения, и что внутригосударственные органы власти признали, что судебные приставы не обеспечили их исполнение. Позже заявители указали, что они более не настаивают на том, чтобы эти замечания не принимались, поскольку они были подтверждены новым Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека г-ном Гальпериным, который представил дальнейшие замечания, в которых он продолжил скрывать и искажать факты по делу. Заявители также утверждали, что поведение г-на Матюшкина следует истолковать как неспособность эффективно участвовать в деле (правило 44С Регламента Суда) и, следовательно, как препятствование эффективному осуществлению права на подачу жалобы (статья 34 Конвенции).

71. В ответ Власти утверждали, что г-н Матюшкин действительно был знаком с отцом М., но отрицали, что они являются близкими друзьями. По словам г-на Матюшкина, в период с 2004 года по 2006 года он посещал секцию айкидо в Нижнем Новгороде, где отец М. работал тренером. Однако их отношения никогда не были близкими и полностью прекратились, когда г-н Матюшкин переехал в Москву в 2008 году. Тем не менее, он согласился с тем, что он мог присутствовать на дне рождения отца М. в 2009 году, но лишь из вежливости, а не из-за дружеских чувств. Г-н Матюшкин дал заверения в том, что он не имеет предубеждений в отношении первого заявителя, и что, следовательно, утверждения первого заявителя о предубежденности являются необоснованными, нечестными и оскорбительными. Власти также утверждали, что г-н Матюшкин являлся представителем стороны в разбирательствах в Суде. Его статус был ближе к статусу адвоката, чем к статусу судьи; следовательно, предъявляемые к судьям требования беспристрастности не были применимы к нему. Власти также утверждали, что он эффективно участвовал в разбирательстве путем представления замечаний по всем заданным Судом вопросам; эти замечания были основаны на информации, предоставленной компетентными национальными органами власти. Факт знакомства г-на Матюшкина с отцом М. не являлся препятствием осуществлению права на подачу жалобы. Наконец, Власти утверждали, что необоснованные обвинения, высказанные первым заявителем в адрес г-на Матюшкина, являлись злоупотреблением права на подачу индивидуальной жалобы (они сослались на решение Суда от 20 сентября 2011 года по делу «Апинис против Латвии» (*Apinis v. Latvia*), жалоба № 46549/06).

В. Оценка Суда

1. Предполагаемое злоупотребление правом на подачу жалобы

72. Суд напоминает, что в соответствии с пунктом 3 статьи 35 Конвенции жалоба может быть отклонена как злоупотребление правом подачи индивидуальной жалобы, если, помимо прочего, такая жалоба была намеренно основана на ложных фактах. Представление неполной и, таким образом, ложной информации также может привести к злоупотреблению правом на подачу индивидуальной жалобы, особенно в случае, когда такая информация относится к самой сути дела, и не было представлено достаточного объяснения в отношении неразглашения такой информации. То же самое применяется в случае, когда новые важные изменения имели место во время разбирательства в Суде и когда, несмотря на прямое требование об этом в соответствии с пунктом 7 правила 47 (бывший пункт 6 правила 47) Регламента Суда, заявитель не сообщил такую информацию Суду, тем самым препятствуя Суду в вынесении постановления по делу с полной осведомленностью обо всех фактах. Тем не менее, даже в таких случаях намерение заявителя ввести в заблуждение Суд всегда должно быть установлено с достаточной определенностью (см. постановление Большой

Палаты по делу «Гросс против Швейцарии» (*Gross v. Switzerland*), жалоба № 67810/10, пункт 28, ECHR 2014, с дальнейшими ссылками).

73. В настоящем деле заявители упомянули в своем формуляре жалобы, что первый заявитель обратился с иском об определении порядка общения, и что ведется производство по данному иску. 18 октября 2016 года они предоставили копию постановления об определении временного порядка общения и сообщили Суду о том, что основное решение об определении порядка общения было вынесено и обжаловано. Затем они направили в Суд еще пять писем, сообщая о дальнейших событиях по делу, в том числе о ходе производства по вопросу об определении порядка общения, прилагая соответствующие документы. Они действительно предоставили копию экспертного заключения от 19 января 2016 года лишь после того, как Власти упомянули о нем в своих замечаниях по вопросу о приемлемости жалобы и по ее существу. Однако в данном экспертном заключении рассматривался только вопрос о порядке общения, а не вопрос об определении места жительства, и оно было составлено после вынесения решения об определении места жительства, на которое заявители жалуются в настоящем деле. Оно действительно было приобщено к материалам дела по вопросу об определении порядка общения, которое в рассматриваемый период еще не было завершено. Таким образом, постановления об определении порядка общения и экспертное заключение имеют отношение к делу только для того, чтобы получить более широкое представление о событиях в деле заявителя, но сами по себе не являются предметом настоящей жалобы; также они не являются важными для разрешения настоящего дела. Следовательно, нет никаких оснований для вывода о том, что заявители предоставили не полную информацию о самой сути дела или не проинформировали Суд о важных событиях с намерением ввести его в заблуждение.

74. Суд также напоминает, что использование заявителем особо неприятных, оскорбительных, угрожающих или провокационных выражений (направленных против государства-ответчика, его Уполномоченного, органов власти государства-ответчика, Европейского Суда, его судей, Секретариата или его членов) может также считаться злоупотреблением правом подачи индивидуальной жалобы по смыслу подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Однако использование заявителем острых, полемических или саркастических выражений недостаточно; для того чтобы считаться злоупотреблением его речь должна выходить за пределы нормальной, цивилизованной и правомерной критики. Если после предупреждения со стороны Суда заявитель перестает использовать оспариваемые выражения; явно отзывает их или, что еще лучше, приносит свои извинения, то жалоба более не может быть отклонена как злоупотребление (см. постановление Суда от 15 сентября 2009 года по делу «Миролюбовс и другие против Латвии» (*Miroļubovs and Others v. Latvia*), жалоба № 798/05, пункт 64, с дальнейшими ссылками).

75. В настоящем деле заявители сообщили Суду о том, что бывший Уполномоченный Российской Федерации (который представил замечания Властей по вопросу о приемлемости жалобы и по ее существу) был знаком с отцом М., что было подтверждено Властями. Заявители выразили сомнение относительно способности Уполномоченного действовать непредубежденно в отношении первого заявителя при таких обстоятельствах. Однако эти сомнения были выражены в нейтральной форме. Заявители не использовали неприятные, оскорбительные, угрожающие или провокационные фразы в отношении государства или его Уполномоченного. Таким образом, в обстоятельствах настоящего дела утверждения заявителей не являются злоупотреблением правом на подачу жалобы по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции.

76. Следовательно, в настоящем деле отсутствуют основания для вывода о том, что заявители злоупотребили своим правом на подачу индивидуальной жалобы. С учетом

вышеизложенных соображений Суд отклоняет просьбу Властей об объявлении жалобы неприемлемой в соответствии с пунктом 3 статьи 35 Конвенции ввиду злоупотребления правом на подачу жалобы.

2. Предполагаемое отсутствие сотрудничества и препятствование праву на подачу индивидуальной жалобы

77. Суд напоминает, что в силу статьи 34 Конвенции Договаривающиеся Государства обязуются воздерживаться от каких-либо действий или от бездействия, которые могут помешать эффективной реализации заявителем своего права на подачу индивидуальной жалобы. В настоящем деле нет свидетельств того, что заявители столкнулись с каким-либо препятствием для осуществления права на подачу индивидуальной жалобы, либо в виде вмешательства в общение между заявителями и Европейским Судом, либо в виде оказания недозволенного давления на заявителей.

78. Предполагаемое непредоставление соответствующей информации и документов не вызывает вопросов по статье 34 (см. постановление Большой Палаты по делу «Оджалан против Турции» (*Öcalan v. Turkey*), жалоба № 46221/99, пункт 201, ECHR 2005-IV, и постановление Суда от 5 апреля 2007 года по делу «Байсаева против России» (*Baysayeva v. Russia*), жалоба № 74237/01, пункт 168). Статья 34 является *lex generalis* по отношению к статье 38, которая непосредственно налагает на государства обязательство сотрудничать с Судом и, в частности, предоставлять информацию, которая необходима для установления фактов (см. упомянутое выше постановление по делу «Байсаева против России», пункты 161-64 и 168). В той мере, в какой утверждения заявителей можно, по сути, истолковать как жалобу на то, что Власти не выполнили свое обязательство по статье 38 Конвенции, Суд отмечает, что Власти предоставили всю информацию и документы, необходимые для надлежащего и эффективного рассмотрения жалобы.

79. Принимая во внимание изложенное выше, Суд не убежден в том, что в настоящем деле имеются достаточные основания, чтобы установить наличие препятствий для права на подачу индивидуальной жалобы, или отказ сотрудничать с Судом. Следовательно, государство-ответчик не нарушило обязательств по статьям 34 или 38 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

80. Заявители жаловались на то, что вынесение постановления об определении места жительства второго заявителя в пользу его матери нарушило их право на уважение семейной жизни. Они ссылались на статью 8 Конвенции, которая гласит следующее:

«1. Каждый имеет право на уважение его частной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

А. Приемлемость жалобы

81. Что касается жалобы заявителей на то, что предположительно чрезмерная длительность производства по делу об определении места жительства привела к *de facto* разрешению вопроса, то Власти утверждали, что первый заявитель получил компенсацию за

чрезмерную длительность производства. Таким образом, его права были восстановлены на национальном уровне.

82. Суд считает, что вопрос о том, могут ли заявители все еще утверждать о том, что они являются жертвами нарушения статьи 8 Конвенции в связи с предполагаемой длительностью производства по делу об определении места жительства, тесно связан с существом жалобы по статье 8 Конвенции. Таким образом, Суд решил объединить этот вопрос с существом дела.

83. Власти не оспаривали тот факт, что первый заявитель имел право на подачу жалобы от имени своего несовершеннолетнего сына. Учитывая, что первый заявитель имеет родительские права в отношении Х, Суд считает, что он имеет право действовать от имени своего сына (сравн. с постановлением Суда от 27 сентября 2011 года по делу «Диаманте и Пелличioni против Сан-Марино» (*Diamante and Pelliccioni v. San Marino*), жалоба № 32250/08, пункт 147, и постановление Суда от 30 ноября 2010 года по делу «З. против Словении» (*Z. v. Slovenia*), жалоба № 43155/05, пункт 116; и с постановлением Суда от 1 декабря 2009 года по делу «Эберхард и М. против Словении» (*Eberhard and M. v. Slovenia*), жалобы №№ 8673/05 и 9733/05, пункты 88-90, (с дальнейшими ссылками), и постановлением Суда от 14 марта 2017 года по делу «К.Б. и другие против Хорватии» (*K.B. and Others v. Croatia*), жалоба № 36216/13, пункты 109-10).

84. Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалоб

1. Доводы сторон

(а) Власти

85. Власти утверждали, что решение об определении места жительства в пользу матери было законным и основывалось на наилучших интересах ребенка. Они утверждали, что было бы жестоко разлучать малолетнего ребенка с его матерью, особенно если мать является кормящей (они ссылались на постановления по делам «П. К. и С. против Соединенного Королевства» (*P., C. and S. v. the United Kingdom*), жалоба № 56547/00, ECHR 2002-VI, и «Хаасе против Германии» (*Haase v. Germany*), жалоба № 11057/02, ECHR 2004-III (выдержки), оба из которых касались передачи новорожденных под опеку государства). В настоящем деле не существовало никаких исключительных обстоятельств, оправдывающих разлучение Х с его матерью. Условия жизни матери подходили для маленького ребенка. Она находилась в отпуске по уходу за ребенком, посвящала все свое время заботе о Х и, по ее собственным утверждениям, еще кормила его грудью. Ее родители помогали ей в воспитании ребенка, первый заявитель выплачивал алименты.

86. Власти также утверждали, что до вынесения решения национальные суды подробно изучили ситуацию в семье и целый ряд факторов, в частности фактического, эмоционального, психологического, материального и медицинского характера, и произвели взвешенную и обоснованную оценку интересов каждого заинтересованного лица. Принимая во внимание возраст ребенка и мнение органа опеки, национальные суды решили, что интересам ребенка будет служить его проживание с матерью. Суды приняли во внимание тот факт, что доход первого заявителя был достаточно высок, чтобы он мог регулярно навещать своего сына. Суды сочли не имеющим отношения к делу тот факт, что Санкт-Петербург был

менее загрязнен, имел более низкий уровень преступности и обладал лучшей инфраструктурой для детей, установив, что ребенок должен проживать с матерью, которая решила жить в Нижнем Новгороде.

87. Власти также утверждали, что М. не совершала незаконных действий, когда она переехала с ее сыном в Нижний Новгород. Она не была обязана жить вместе с первым заявителем во время бракоразводного процесса. Она переехала в собственную квартиру, адрес которой был известен заявителю; следовательно, она не скрывалась с ребенком, и не покинула территорию России. Она не уклонялась от выполнения судебных постановлений об определении места жительства, поскольку подобных постановлений не выносилось, и когда она переехала, не велось никаких судебных процессов. Таким образом, она могла жить с ребенком где угодно. Следовательно, настоящее дело отличается от дела «Громадка и Громадкова против России» (*Hromadka and Hromadkova v. Russia*) (жалоба № 22909/10, декабрь 2014 года), которое касалось международного похищения ребенка, который должен был жить в Чешской Республике вместе с его отцом согласно решению Суда. Настоящее дело схоже с делом «Петерсен против Германии» (*Petersen v. Germany*) ((решение), жалобы №№ 38282/97 и 68891/01, 12 января 2006 года), в котором Суд установил, что в лучших интересах ребенка было остаться с матерью, которой нельзя запретить выехать за границу. Власти утверждали, что в настоящем деле запрет на выезд в другой город также нарушил бы свободу передвижения М., гарантированную статьей 2 Протокола № 4 к Конвенции. Первый заявитель не мог запретить своему сыну покидать Санкт-Петербург, поскольку М. имела право менять место жительства для устройства своей личной и семейной жизни, для поиска работы или ради повышения.

88. Что касается длительности производства, то Власти утверждали, что оно длилось один год, шесть месяцев и семь дней. Таким образом, длительность производства была меньше, чем в делах, уже рассмотренных Судом (они ссылались на постановление Суда от 2 апреля 2015 года по делу «Рибич против Хорватии» (*Ribić v. Croatia*), жалоба № 27148/12, в котором разбирательство длилось семь лет и восемь месяцев; постановление Суда от 12 января 2006 года по делу «Михайлова против Болгарии» (*Mihailova v. Bulgaria*), жалоба № 35978/02, в котором разбирательство длилось приблизительно два с половиной года и в котором Суд не установил нарушения статьи 8; и на упомянутое выше постановление по делу «Диаманте и Пелличчони против Сан-Марино», в котором разбирательство длилось более четырех лет и десяти месяцев, и решение все еще не было вынесено). В любом случае, нельзя сказать, что течение времени привело к *de facto* решению вопроса, поскольку к концу разбирательства второму заявителю было всего два года, девять месяцев и двадцать один день.

89. Кроме того, Власти утверждали, что заявители общались все это время, поскольку М. никогда всерьез не препятствовала их общению или общению между вторым заявителем и его бабушкой и дедушкой по отцовской линии. Органы опеки несколько раз разговаривали с М. и объясняли ей, что Х имеет право общаться с его отцом, бабушкой и дедушкой со стороны отца и с другими родственниками. Кроме того, национальные суды вынесли промежуточное решение, определяющее право первого заявителя на общение с ребенком на период основного производства по делу об определении порядка общения. Было возбуждено исполнительное производство, в ходе которого было установлено, что М. переехала в Московскую область. Впоследствии было вынесено новое постановление об определении порядка общения с учетом экспертного заключения относительно отношений второго заявителя с каждым из его родителей. В отношении дедушки и двоюродной бабушки по отцовской линии было вынесено отдельное постановление об определении порядка общения. М. была оштрафована в связи с неисполнением

постановлений об определении порядка общения. Таким образом, Власти выполнили свое обязательство по обеспечению общения между Х и его отцом и родственниками со стороны отца.

90. Наконец, Власти утверждали, что первый заявитель мог полностью изложить свою позицию в национальных судах. Он присутствовал на всех слушаниях и мог представлять доказательства и доводы. Органы опеки Санкт-Петербурга и Нижнего Новгорода участвовали в разбирательствах, и их просили дать свои заключения по делу. Национальные суды рассмотрели оба заключения и решили последовать заключению органов опеки Нижнего Новгорода. Первый заявитель также мог оспорить это заключение. Национальные суды также приняли во внимание заключение психолога Л., с которым заявитель и М. консультировались до развода. Ходатайство первого заявителя о назначении психологической экспертизы было оставлено без удовлетворения, поскольку национальные суды сочли, что у них имеется достаточно материалов для вынесения решения по делу (в частности, заключения органов опеки и психолога). В материалах дела не имелось никаких доказательств того, что Х имел привязанность к отцу. По мнению Властей, настоящее дело схоже с делом «Дренк против Чешской Республики» (*Drenk v. the Czech Republic*) (постановление Европейского Суда от 4 сентября 2014 года, жалоба № 1071/12), в котором Суд установил, что отказ национальных судов следовать устаревшим рекомендациям экспертов или назначить проведение нового экспертного исследования на основании того, что у них имеется более поздняя относящаяся к делу информация, не нарушал процессуальные требования статьи 8. В любом случае, именно национальные суды должны были оценивать представленные им доказательства. Власти также утверждали, что Х лично не был заслушан судами, поскольку в соответствии с национальным законодательством необходимо учитывать мнение только ребенка старше десяти лет (см. пункт 61 выше). Х было меньше двух лет, когда дело рассматривалось районным судом, и менее трех лет на момент слушания дела в апелляционном порядке; следовательно, было невозможно допросить его в суде.

(b) Заявители

91. Заявители утверждали, что национальные суды не привели имеющие отношение к делу и достаточные основания для своего решения об определении места жительства Х с его матерью. Решение было основано на широко распространенной презумпции, что ребенок в возрасте до десяти лет должен проживать с матерью. Учитывая, что малолетний возраст ребенка перевешивал все остальные факторы, национальные суды не сочли необходимым рассматривать их. Постановив, что доводы первого заявителя о более благоприятных условиях жизни в Санкт-Петербурге (в частности, меньшее загрязнение воздуха, более низкий уровень преступности и более хорошая инфраструктура для развития ребенка) не имеют отношения к делу, национальные суды не осуществили тщательный анализ семейной ситуации и других соответствующих факторов.

92. Также национальные органы власти не приняли во внимание тот факт, что М. незаконно увезла ребенка с места его жительства без ведома первого заявителя. При таких обстоятельствах статья 8 требовала от национальных органов власти принятия мер для воссоединения заявителей. В случаях, когда один из родителей увозит ребенка, существует презумпция в пользу быстрого возвращения ребенка «оставленному» родителю (они ссылались на постановление по делу «Громадка и Громадкова против России» (упомянутое выше, пункты 148-52). По мнению заявителей, неважно, что в настоящем деле, в отличие от дела «Громадка и Громадкова против России» не велось производство по бракоразводному процессу или по делу об определении места жительства или что М. осталась в России и не

вывезла Х за границу. Единственным имеющим отношение к делу обстоятельством являлось то, что М. увезла Х с его законного места жительства против воли первого заявителя. При этом М. получила преимущество перед первым заявителем: став *de facto* родителем, проживающим вместе с ребенком, она смогла добиться того, чтобы спор об определении места жительства рассматривался судами Нижегородской области, которые находились вдалеке от места жительства заявителей. Заявители утверждали, что М. не имела права принимать одностороннее решение относительно места жительства Х на период разбирательства по вопросу об определении места жительства; это решение должно было приниматься родителями совместно, или же, в случае спора, судом путем вынесения промежуточного постановления. Однако национальные органы власти не приняли никаких мер для возврата Х на законное место жительства; в действительности, российское законодательство не предусматривало какого-либо правового механизма для разрешения ситуаций, в которых один из родителей увозит ребенка с места его законного жительства без согласия другого родителя. Забрав Х из Санкт-Петербурга в Нижний Новгород, находящийся более чем в 1 000 километрах (т.е. на расстоянии сравнимом с расстоянием между Парижем и Берлином, Мадридом или Прагой, и существенно превышающем расстояние между Парижем и Лондоном, Берлином и Веной или Веной и Прагой), М. действовала вопреки интересам Х, поскольку она разлучила его с отцом. Кроме того, первому заявителю приходилось тратить много денег на дорожные расходы, чтобы повидаться с сыном, когда эти деньги он мог бы потратить на материальные потребности и образование Х.

93. Заявители утверждали, что замечания Властей создают впечатление, будто российские Власти считали, что ребенок является собственностью матери. Таким образом, они особо подчеркнули свободу передвижения матери и ее право забирать ребенка, куда бы она ни отправилась, невзирая на наилучшие интересы ребенка. Однако Суд установил в упоминаемом выше постановлении по делу «Момуссо и Вашингтон против Франции», что несовершеннолетний имеет право не быть отобранным одним из родителей у другого родителя. М. действительно могла поехать в Нижний Новгород или в любое другое место; однако ее свобода передвижения не давала ей право забирать с собой Х без согласия первого заявителя.

94. Заявители утверждали, что М. также действовала вопреки интересам Х., препятствуя общению между заявителями, в частности, периодически увозя Х на длительные периоды, не информируя первого заявителя о его местонахождении. Внутригосударственные органы власти не приняли никаких мер, чтобы остановить ее незаконное поведение, за исключением наложения на нее одного штрафа. Также они не учли ее незаконное поведение и действия вопреки интересам Х при определении места жительства ребенка (см. в качестве противоположного примера упомянутое выше постановление по делу «Диаманте и Пелличчони против Сан-Марино», пункты 22, 28, 38, 50 и 77). М. продолжала препятствовать общению между заявителями даже после вынесения постановлений об определении порядка общения. Более того, она уехала в Москву в сентябре 2015 года, оставив Х в Нижнем Новгороде с его бабушкой в нарушение постановления об определении места жительства, согласно которому Х должен был проживать со своей матерью. В результате Х жил отдельно от обоих родителей более четырех месяцев, поскольку М. предпочла карьеру интересам ребенка. В отличие от нее, первый заявитель мог проводить много времени с Х, поскольку он не был трудоустроен, и у него был гибкий график социальной волонтерской деятельности. Более того, он предлагал создать условия, при которых Х мог бы жить возле обоих родителей, в частности путем выделения М. квартиры в Санкт-Петербурге. Следовательно, он не собирался разлучать Х с его матерью; напротив, он хотел, чтобы оба родителя принимали равное участие в его воспитании.

95. Заявители утверждали, что настоящее дело отличается от дела «Петерсен против Германии» (упомянутое выше), на которое ссылались Власти (см. пункт 87 выше), и которое касалось прав на общение, а не определения места жительства. В деле «Петерсен против Германии» ребенок не хотел видеть своего отца из-за его поведения. Следовательно, было сочтено, что общение с ним будет противоречить интересам ребенка. В отличие от этого, в настоящем деле Х был весьма привязан к отцу, что подтверждалось бы экспертизой, если бы национальные суды удовлетворили ходатайство заявителя о назначении такой экспертизы.

96. Кроме того, заявители утверждали, что процессуальный подход национальных судов не позволил первому заявителю привести все свои доводы. Во-первых, национальные суды без каких-либо уважительных причин отказались рассматривать иск первого заявителя об определении места жительства ребенка. Во-вторых, они отклонили его ходатайство о назначении психологической экспертизы для определения отношений Х с каждым из родителей. Учитывая возраст Х, психологическая экспертиза являлась единственным способом «заслушать» ребенка для оценки его привязанности к каждому из родителей. Заключение психолога Л., на которое ссылались Власти (см. пункт 90 выше), не было указано национальными судами в их решениях. Ее квалификация не проверялась и, более того, ее часто увольняли с работы за неэтичное поведение. Что касается заключения органов опеки Нижнего Новгорода, то оно не было дано психологом и не оценивало отношения Х с его родителями, и его возраст указывался в нем как единственное основание для вывода о том, что в интересах Х будет проживание с его матерью. В-третьих, национальные суды отклонили ходатайство первого заявителя о приобщении медицинской карты Х, в которой было указано, что М. больше не кормит его грудью. Они также отказались заслушать показания бабушки и дедушки Х по отцовской линии о том, что М. препятствует общению Х с родственниками по отцовской линии. Также они не приняли во внимание заключение органов опеки Санкт-Петербурга о том, что лучшим интересам Х будет служить его проживание в Санкт-Петербурге вместе с отцом.

97. Наконец, что касается длительности производства, то заявители утверждали, что национальные суды признали задержки в производстве по вопросу об определении места жительства, и что они произошли не по вине первого заявителя. Учитывая, что пока велось производство, Х незаконно удерживался его матерью вдалеке от отца и его привычного места жительства, было особенно важным, чтобы внутригосударственные органы власти проявили особое усердие при рассмотрении дела с учетом угрозы того, что с течением времени вопрос *de facto* решится сам. Действительно, суды второй инстанции установили, что определение места жительства Х с отцом не будет служить его интересам, поскольку после расставания родителей его воспитывала мать. Таким образом, мать извлекла выгоду из своих незаконных действий, увезя Х, и из задержек в производстве по вопросу об определении места жительства.

2. Оценка Суда

(а) Общие принципы

98. При принятии решения о том, являлся ли отказ в передаче заявителю опеки или в предоставлении доступа к ребенку обоснованными по смыслу пункта 2 статьи 8 Конвенции, Суд должен рассмотреть в контексте всего дела вопрос о том, были ли доводы в обоснование данной меры соответствующими и достаточными. Несомненно, в каждом подобном деле решающее значение имеет то, что понимается под наилучшими интересами ребенка. Кроме того, следует иметь в виду, что национальные органы власти имеют возможность прямого контакта со всеми заинтересованными лицами. Из этого следует, что задачей Суда является

не подмена собою национальных властей в осуществлении их полномочий относительно установления опеки и обеспечения доступа к детям, а скорее, осуществление анализа решений, принятых властями при осуществлении своих полномочий, в свете положений Конвенции (см. постановление Большой Палаты по делу «Сахин против Германии» (*Sahin v. Germany*), жалоба № 30943/96, пункт 64, ECHR 2003-VIII; постановление Большой Палаты по делу «Зоммерфельд против Германии» (*Sommerfeld v. Germany*), жалоба № 31871/96, пункт 62, ECHR 2003-VIII (выдержки); постановление Суда от 9 мая 2006 года по делу «С. против Финляндии» (*C. v. Finland*), жалоба № 18249/02, пункт 52; и постановление Суда от 29 апреля 2014 года по делу «З.Дж. против Литвы» (*Z.J. v. Lithuania*), жалоба № 60092/12, пункт 96). С этой целью Суд должен выяснить, провели ли национальные суды комплексное изучение всей семейной ситуации и целого ряда факторов, в частности, факторов фактического, эмоционального, психологического, материального и медицинского характера, и была ли проведена сбалансированная и разумная оценка соответствующих интересов каждого лица, с постоянным акцентированием внимания на том, чтобы определить, каким было бы наилучшее решение для ребенка (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Нойлингер и Шурук против Швейцарии» (*Neulinger and Shuruk v. Switzerland*), жалоба № 41615/07, пункт 139, ECHR 2010), и упомянутое выше постановление по делу «Антонюк против России», пункт 134).

99. Пределы свободы усмотрения, которой должны наделяться компетентные национальные органы власти, неодинаковы. Такая свобода усмотрения будет зависеть от характера вопросов, являющихся предметом спора по тому или иному делу, и от важности затрагиваемых интересов. Поэтому Суд признал, что органы власти пользуются широкой свободой усмотрения, в частности, при принятии решений по вопросам опеки. Однако в отношении дальнейших ограничений, таких как ограничение органами власти прав родителей на доступ к детям, или в отношении правовых гарантий, направленных на эффективную защиту права родителей и детей на уважение их семейной жизни, требуется более тщательное рассмотрение. Такие дополнительные ограничения влекут за собой опасность существенного ограничения семейных отношений между малолетним ребенком и одним или обоими родителями (см. упомянутое выше постановление по делу «Сахин против Германии» (*Sahin v. Germany*), пункт 65; упомянутое выше постановление по делу «Зоммерфельд против Германии» (*Sommerfeld v. Germany*), пункт 63).

100. Статья 8 Конвенции требует, чтобы внутригосударственные органы власти обеспечивали справедливый баланс между интересами ребенка и интересами родителей, при этом первостепенное значение следует придавать именно интересам ребенка, которые, в зависимости от их характера и серьезности, могут преобладать над интересами родителей. В частности, родителям не могут быть предоставлены такие меры в соответствии со статьей 8 Конвенции, которые причинят ущерб здоровью и развитию ребенка (см. упомянутое выше постановление по делу «Сахин против Германии», пункт 66; и упомянутое выше постановление по делу «Зоммерфельд против Германии», пункт 64).

101. Наконец, Суд не может удовлетворительно оценить, являются ли причины, выдвинутые национальными судами «достаточными» для целей пункта 2 статьи 8, без определения в то же время того, являлся ли процесс принятия решений, рассматриваемый в целом, справедливым (см. упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сахин против Германии», пункт 68, и упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Зоммерфельд против Германии», пункт 66). В то время как статья 8 Конвенции не содержит явных процессуальных требований, процесс принятия решения, приводящий к мерам вмешательства, должен быть справедливым и позволяющим надлежащим образом учесть

интересы, защищенные статьей 8. Суд, следовательно, должен определить, с учетом конкретных обстоятельств дела и, в особенности, серьезности характера принимаемых решений, участвовал ли заявитель в процессе принятия решений, в той степени, которая была бы достаточна для обеспечения ему необходимой защиты его интересов (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «З.Дж. против Литвы», пункт 100, с дальнейшими ссылками).

102. Наконец, при рассмотрении обстоятельств дела в контексте статьи 8 Конвенции Суд также может обратить внимание на продолжительность процесса принятия решений национальным органом и продолжительность любых связанных с такими решениями судебных разбирательств. В таких делах всегда существует опасность того, что любая процедурная задержка приведет к *de facto* разрешению вопроса, представленного в суд, до проведения им слушания. И эффективное уважение к семейной жизни требует, чтобы будущие отношения между родителем и ребенком определялись исключительно в свете всех соответствующих соображений, а не просто течением времени (см. постановление Европейского Суда от 8 июля 1987 года по делу «В. против Соединенного Королевства» (*W. v. the United Kingdom*), пункт 65, серия А № 121; постановление Европейского Суда от 24 апреля 2003 года по делу «Сильвестер против Австрии» (*Sylvester v. Austria*), жалобы № 36812/97 и № 40104/98, пункт 69; и упомянутое выше постановление по делу «З.Дж. против Литвы», пункт 100).

(b) Применение к настоящему делу

103. Суд считает, что принятие решения об определении места жительства в пользу матери являлось вмешательством в право заявителей на уважение семейной жизни (см. упомянутое выше постановление по делу «Антонюк против России», пункт 119; см. также постановление Европейского Суда от 19 января 2016 года по делу «Г.Б. против Литвы» (*G.B. Lithuania*), жалоба № 36137/13, пункт 87). Сторонами не оспаривалось то, что вмешательство имело основания в национальном законодательстве и преследовало законную цель защиты прав других лиц, а именно Х и М. Остается рассмотреть вопрос о том, являлось ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе».

104. Прежде чем обратиться к анализу оснований, приведенных внутригосударственными судами, важно отметить, что сфера применения решения об определении места жительства ограничивался определением места проживания Х; оно не затрагивало правовые отношения между заявителем и не лишало первого заявителя родительских прав. Также важно, что первый заявитель впоследствии был наделен правом на общение с ребенком.

105. Суд соглашается, что при принятии решений о назначении мер по опеке над детьми национальные органы власти и суды часто сталкиваются с чрезвычайно сложной задачей. Он не упускает из виду тот факт, что национальные органы власти не имели выбора, кроме принятия решения об определении места жительства в пользу одного из двух разведенных родителей, поскольку российское законодательство не предусматривало возможности принятия решения о порядке попеременного проживания (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Антонюк против России», пункт 121).

106. Задача Суда состоит не в том, чтобы занять место национальных властей при принятии решения о том, в чью пользу должно быть принято решение об определении места жительства ребенка при разводе родителей. Однако в этой сфере рассмотрение Суда не ограничивается выяснением того, использовало ли государство-ответчик свои рамки усмотрения разумным, тщательным и добросовестным образом; он должен определить, были ли уместны и достаточны причины, приведенные национальными судами в ходе производства по определению места жительства ребенка. В частности, Суд обладает

компетенцией выяснять, проводили ли национальные суды при принятии такого решения комплексное изучение всей ситуации в семье и целого ряда соответствующих факторов, и была ли проведена сбалансированная и разумная оценка соответствующих интересов каждого лица с постоянным акцентированием внимания на том, чтобы определить, каким будет наилучшее решение для ребенка (см. упомянутая выше прецедентная практика, приведенная в пункте 98). Неспособность провести достаточно тщательное изучение будет означать нарушение статьи 8. Напротив, если бы национальные суды рассматривали данный вопрос с осторожностью и в соответствии с принципами, изложенными в прецедентной практике Суда, Суду бы понадобились очень веские причины для замены своей собственной оценкой оценки национальных судов (см. постановление Суда от 10 апреля 2018 года по делу «Элита Магомадова против России» (*Elita Magomadova v. Russia*), жалоба № 77546/14, пункт 63, с дальнейшими ссылками).

107. В соответствии с изложенными выше принципами и прецедентной практикой, Суд, таким образом, рассмотрит вопрос о том, провели ли российские власти в настоящем деле комплексное исследование всей семейной ситуации и всех соответствующих факторов.

108. Суд сначала рассмотрит довод заявителей о том, что не было проведено никакой экспертной или профессиональной оценки для определения степени привязанности Х к каждому из родителей, и что, таким образом, Х не был должным образом «заслушан» по вопросу о его месте жительства. Суд напоминает, что дети имеют право быть заслушанными по затрагивающим их вопросам. В частности, поскольку дети взрослеют и с течением времени учатся выражать свое мнение, суды должны придавать должную значимость их мнению и чувствам, а также их праву на уважение их семейной жизни (см. постановление Суда от 2 февраля 2016 года по делу «Н.Ц. и другие против Грузии» (*N.Ts. and Others v. Georgia*), жалоба № 71776/12, пункт 72). Ситуация с очень маленькими детьми, которые еще не могут формировать или выражать свои желания, отличается. В упомянутом выше постановлении по делу «Сахин против Германии» (пункты 72-75) Суд установил, что отказ допросить пятилетнего ребенка в суде являлся приемлемым, учитывая возраст ребенка. Приходя к такому заключению, Суд принял во внимание, что был назначен эксперт, который несколько раз встречался с ребенком и обоими родителями и проанализировал отношение ребенка к обоим родителям, а также выяснил, возможно ли заслушать его в суде. В настоящем же деле не было назначено никакой экспертизы по столь важным вопросам как отношения Х с каждым из родителей, родительские способности и возможно ли, учитывая его возраст, опросить ребенка в суде, при необходимости с помощью детского психолога.

109. Суд не убежден в том, что в настоящем деле мнение органов опеки могло заменить собой экспертную оценку в обстоятельствах настоящего дела. В материалах дела отсутствуют какие-либо доказательства того, что специалисты органов опеки Нижнего Новгорода, на чье заключение опирались суды, когда-либо встречались с Х и оценивали его отношение к каждому из родителей. В действительности, их заключение было ограничено оценкой жилищных условий и финансовой ситуации М. и указанием на то, что М. находилась в отпуске по уходу за ребенком и кормила ребенка грудью (см. пункт 21 выше). Кроме того, в материалах дела также содержится заключение органов опеки Санкт-Петербурга, которые сочли, что в лучших интересах Х будет проживание вместе с его отцом (см. пункт 20 выше). Национальные суды не пояснили, почему они отдали предпочтение заключению органов опеки Нижнего Новгорода, а не заключению органов опеки Санкт-Петербурга.

110. Власти также сослались на заключение психолога Л. (см. пункт 13 выше). Однако национальные суды не сослались на это заключение в своих решениях. В любом случае, это

заключение было подготовлено на основании единственной консультации, проведенной до расставания родителей. Эта консультация скорее касалась проблем в супружеских отношениях между первым заявителем и М., а не их отношений с Х. Следовательно Суд не убежден в том, что она могла заменить собой экспертизу, посвященную конкретному вопросу о месте жительства ребенка и, следовательно, об определении степени привязанности Х к каждому из родителей и их родительской компетенции.

111. Суд далее отмечает, что национальные суды отказались принимать во внимание доказательства, представленные заявителем в поддержку своей позиции. Во-первых, национальные суды отказались рассматривать его исковое заявление об определении места жительства и приводящиеся в нем доводы на том основании, что оно было подано с опозданием (см. пункт 16 выше), хотя согласно национальному законодательству встречный иск может быть подан в любой момент до вынесения решения судом (см. пункт 62 выше). Во-вторых, национальные суды отказались принять в качестве доказательства и изучить медицинскую карту Х, из которой следовало, что кормление грудью было прекращено. Суд второй инстанции тоже не ответил на довод первого заявителя, подтверждаемый документальными свидетельствами, о том, что М. более не находится в отпуске по уходу за ребенком и вышла на работу. В-третьих, национальные суды отклонили как не относящиеся к делу доводы первого заявителя (подтверждаемые органами опеки Санкт-Петербурга) о лучших условиях жизни и более широких возможностях для развития ребенка в Санкт-Петербурге без проведения их оценки по существу.

112. Из информации, рассмотренной выше, Суд приходит к выводу, что рассмотрение дела национальными судами не было достаточно тщательным. Из этого следует, что процесс принятия решений имел недостатки и, следовательно, не позволял установить наилучшие интересы ребенка. Не соблюдая принципы пропорциональности и эффективности, власти не выполнили свое обязательство по обеспечению реальной и эффективной защиты прав заявителя, как того требуют статьи 1 и 8 Конвенции. Таким образом, Суд считает, что национальные органы власти не привели соответствующие и достаточные основания для принятия решения об определении места жительства ребенка в пользу его матери (сравн. с постановлением Суда от 10 апреля 2018 года по делу «Леонов против России» (*Leonov v. Russia*), жалоба № 77180/11, пункты 69-76, и с упомянутым выше постановлением по делу «Малинин против России», пункты 67-78).

113. При таких обстоятельствах необходимость в рассмотрении вопроса о том привели ли предполагаемые задержки в производстве по вопросу об определении места жительства к *de facto* разрешению вопроса, отсутствует. Следовательно, также нет необходимости в рассмотрении возражения Властей об утрате статуса жертвы в отношении данной части жалобы на нарушение статьи 8.

114. Суд считает, что, несмотря на пределы усмотрения национальных органов власти, вмешательство не было пропорциональным преследуемой законной цели. Соответственно, в настоящем деле было допущено нарушение статьи 8 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ

115. Первый заявитель также жаловался на то, что решение об определении места жительства второго заявителя в пользу его матери представляло собой дискриминацию по половому признаку. Он ссылаясь на статью 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 8 Конвенции. Статья 14 Конвенции гласит следующее:

«Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

А. Доводы сторон

1. Первый заявитель

116. Первый заявитель утверждал, что малолетний возраст Х стал единственным основанием для принятия решения об определении места жительства в пользу матери. Он утверждал, что когда речь заходит об определении места жительства детей в возрасте до десяти лет, существует презумпция в пользу матерей, которую очень сложно опровергнуть. Данная презумпция основана на гендерных стереотипах в России, в частности на мнении о том, что женщины являются основными воспитателями, а мужчины — основными кормильцами. Он ссылаясь на аналитическую заметку НПО «Институт права и государственной политики» от 23 марта 2017 года, согласно которому решения об определении места жительства детей любого возраста выносятся в пользу матери в 71,43% случаев, а в пользу отца — в 28,57% случаев; а решения об определении места жительства малолетних детей выносятся в пользу матери в 97,22% случаев. Первый заявитель также утверждал, что представленный Властями анализ прецедентной практики (см. пункт 98 ниже) также демонстрирует, что решения об определении места жительства в пользу отца выносятся лишь в исключительных случаях, в частности, когда у матери имеются отрицательные характеристики. Отцы и матери рассматриваются наравне только в отношении детей старше десяти лет, т.е. в возрасте, начиная с которого суды должны учитывать мнение ребенка.

117. Первый заявитель утверждал, что в отношении роли ухода за ребенком в течение периода, соответствующего отпуску по уходу за ребенком, то есть по истечении срока отпуска по беременности и родам, который предназначен для того, чтобы женщина могла оправиться от родов и осуществлять грудное вскармливание ее ребенка, если она того пожелает, - мужчины и женщины «занимают одинаковую позицию» (см. постановление Европейского Суда от 7 октября 2010 года по делу «Константин Маркин против России» (*Konstantin Markin v. Russia*), жалоба № 30078/06, пункт 132).

2. Власти

118. Власти утверждали, что решение об определении места жительства второго заявителя в пользу матери было принято, исходя из наилучших интересов ребенка. Следовательно, никакой дискриминации не было. Власти ссылались на решение по делу «Тиеманн против Франции и Германии» (*Tiemann v. France and Germany*), (жалобы № 47457/99 и № 47458/99, 27 апреля 2000 года), в котором решение об определении места жительства с матерью было признано служащим наилучшим интересам детей и, следовательно, совместимым со статьей 8 Конвенции. Как и в деле «Тиеманн против Франции и Германии», первый заявитель в настоящем деле пытался разлучить второго заявителя с его матерью. При таких обстоятельствах национальные суды соблюли баланс между интересами первого заявителя, второго заявителя и М., в частности путем определения прав первого заявителя на общение с ребенком. Несмотря на тот факт, что второй заявитель проживал в другом городе, первый заявитель все же мог навещать его и поддерживать с ним связь другими способами.

119. Власти также ссылались на решение по делу «Гишар против Франции» (*Guichard v. France*), жалоба № 56838/00, 2 сентября 2003 года), в котором перемещение ребенка матерью не было сочтено «незаконным» по смыслу Гаагской Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей и в котором Суд установил, что статья 8 Конвенции не налагает на Власти Франции позитивное обязательство по обеспечению возвращения ребенка.

120. Наконец, Власти утверждали, что оба родителя имеют равные права в соответствии с российским законодательством; мать не имела права на какой-либо преимущественный режим. При принятии решения об определении места жительства суды должны учитывать привязанность ребенка к каждому из родителей, братьям и сестрам, возраст ребенка, нравственные и иные личные качества родителей, отношения, существующие между каждым из родителей и ребенком, возможность создания условий для воспитания и развития ребенка (в свете рода деятельности, режима работы родителей, материального и семейного положения родителей и др.) (см. пункт 58 выше). Во внутригосударственной практике существует множество примеров, когда решение об определении места жительства выносилось в пользу отца. Власти предоставили копии одиннадцати постановлений об определении места жительства в пользу отца, три из которых были вынесены в отношении детей в возрасте младше пяти лет. Власти утверждали, что эти дела продемонстрировали, что практика национальных судов не являлась дискриминационной.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

121. Как неоднократно устанавливал Суд, статья 14 дополняет другие существенные положения Конвенции и Протоколов к ней. Она не существует независимо, поскольку действует лишь в отношении «осуществления прав и свобод», гарантированных указанными положениями. Хотя для применения статьи 14 Конвенции и не требуется, чтобы эти положения предварительно были нарушены, — и в этом смысле эта статья Конвенции автономна, — она не может применяться до тех пор, пока обстоятельства рассматриваемого Судом дела не попадут в сферу действия одной или нескольких статей Конвенции. Запрет на дискриминацию в статье 14, таким образом, распространяется не только на осуществление прав и свобод, обеспечение которых требуется Конвенцией и Протоколами к ней от каждого государства. Данная статья также применяется к тем дополнительным правам, которые попадают под общее действие всех статей Конвенции, которые государство добровольно решило обеспечить. Этот принцип прочно закрепился в прецедентной практике Суда (см., среди многих других источников, постановление Большой Палаты Европейского Суда от 22 января 2008 по делу «Е. Б. против Франции» (*E.B. v. France*), жалоба № 43546/02, пункты 47-48).

122. Сторонами не оспаривалось, что дело попадает под действие статьи 8 Конвенции. Действительно, Суд установил, что оспариваемые решения представляли собой вмешательство в право заявителей на уважение семейной жизни (см. пункт 103 выше). Из этого следует, что к настоящему делу применима статья 14 Конвенции во взаимосвязи со статьями 8 Конвенции.

123. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также указывает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо

124. В соответствии с установившейся прецедентной практикой Суда, для возникновения вопроса по статье 14 должно иметь место различие в обращении с лицами в сравнимых ситуациях. Такое различие в обращении является дискриминирующим, если не имеет цели и достаточного обоснования; другими словами, если оно не преследует законной цели или если отсутствует разумное соотношение соразмерности между задействованными средствами и поставленной целью. Договаривающиеся государства имеют право на свободу усмотрения при оценке того, оправдывают ли различия и в какой степени они оправдывают иное обращение в подобных ситуациях. Пределы свободы усмотрения будут варьироваться в зависимости от обстоятельств, сути дела и его предыстории, но принятие окончательного решения о соблюдении требований Конвенции лежит на Суде (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бурден против Соединенного Королевства» (*Burden v. United Kingdom*), жалоба № 13378/05, пункт 60 и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Константин Маркин против России» (*Konstantin Markin v. Russia*), жалоба № 30078/06, пункты 125 и 126, ECHR 2012 (выдержки)).

125. Прежде чем различие в обращении по признаку пола можно будет считать совместимым с Конвенцией, необходимо привести очень веские основания (см. постановление Европейского Суда от 24 июня 1993 года по делу «Шулер-Цграгген против Швейцарии» (*Schuler-Zraggen v. Switzerland*), пункт 67, Серия А № 263; постановление Суда от 3 декабря 2009 года по делу «Цаунеггер против Германии» (*Zaunegger v. Germany*), жалоба № 22028/04, пункт 51; и постановление Суда от 27 мая 2014 года по делу «Бучс против Швейцарии» (*Buchs v. Switzerland*), жалоба № 9929/12, пункт 67).

126. В настоящем деле первый заявитель жаловался на то, что он подвергся дискриминации по половому признаку, в нарушение статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 8, в связи с тем, что решение об определении места жительства второго заявителя было вынесено в пользу матери ребенка.

127. Суд с самого начала отмечает, что в российском законодательстве не проводится никакого различия между полами, причем мужчины и женщины в равной степени имеют право на вынесение решения об определении места жительства их ребенка в их пользу, независимо от возраста ребенка. Национальным судам необходимо оценить все соответствующие обстоятельства и родительские способности сторон в целях поиска надлежащего решения в наилучших интересах ребенка (см. пункт 58 выше). Однако первый заявитель утверждал, что решения в его случае основывались на общей презумпции, имевшей место в России, что в интересах детей в определенном возрасте является проживание с матерью, а не с отцом.

128. Суд отмечает, что решение об определении места жительства ребенка основывалось на оценке наилучших интересов ребенка в конкретных обстоятельствах дела, а не на общей презумпции в пользу матерей. В частности, национальные суды установили, что М. находилась в отпуске по уходу за ребенком и все еще вскармливала второго заявителя грудью. Они сочли, что, принимая во внимание малолетний возраст Х и тот факт, что после расставания родителей его воспитывала мать, его дальнейшее проживание с матерью будет служить его лучшим интересам.

129. Таким образом, Суд удовлетворен тем, что в отношении рассмотрения заявления о принятии решения об определении места жительства отсутствовала разница в отношении по признаку пола как в законе, так и в решениях, применяющих его в деле заявителя.

130. Соответственно, в настоящем деле отсутствовало нарушение статьи 14 Конвенции, рассмотренной во взаимосвязи со статьей 8.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

131. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

132. Заявители требовали справедливую компенсацию в отношении морального вреда. Они оставили сумму компенсации на усмотрение Суда.

133. Власти утверждали, что установление нарушения само по себе является достаточной справедливой компенсацией. Заявители уже получили компенсацию за чрезмерную длительность судопроизводства по вопросу об определении места жительства.

134. Суд присуждает заявителю в качестве компенсации морального вреда 12 500 евро плюс налог, которым может облагаться данная сумма.

B. Расходы и издержки

135. Первый заявитель также потребовал 602 евро в качестве возмещения расходов и издержек, понесенных в ходе разбирательств в национальных судах, и 1 205 евро в качестве возмещения расходов на юридические консультации, расходов на канцелярские принадлежности, почтовые расходы и расходы на перевод, понесенные в ходе разбирательств в Суде. Он предоставил квитанции, отражающие все указанные расходы.

136. Власти утверждали, что первый заявитель не предоставил копию соглашения об оказании юридических услуг; следовательно, не имеется никаких доказательств того, что он был обязан оплатить юридические услуги. Что касается судебных расходов, понесенных в ходе разбирательств в национальных судах, Власти утверждали, что расходы и издержки, которые были бы понесены вне зависимости от того, нарушали ли оспариваемые судебные разбирательства требования Конвенции, не должны компенсироваться (они сослались на упомянутое выше постановление по делу «П.К. и С. против Соединенного Королевства»). Они добавили, что канцелярские расходы не имеют отношения к предмету дела. Наконец, они признали, что почтовые расходы и расходы на перевод в размере 415 евро должны быть возмещены.

137. В соответствии с прецедентной практикой Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в какой им было доказано, что такие расходы и издержки действительно имели место, были понесены по необходимости и являлись разумными с точки зрения их размера. В настоящем деле Суд установил, что рассмотрение национальными судами дела об определении места жительства ребенка было недостаточно тщательным, и процесс принятия решений имел недостатки. Не существует никакой причинной связи между этими нарушениями и расходами, понесенными, как заявлено, в ходе подготовки и участия в разбирательствах на внутригосударственном уровне, в которых заявители участвовали бы в любом случае (сравн. с упомянутым выше постановлением по делу «П.К. и С. против Соединенного Королевства», пункт 148). Следовательно, Суд отклоняет требование о возмещении расходов и издержек, понесенных в ходе разбирательств на внутригосударственном уровне.

138. Что касается расходов и издержек, понесенных в ходе разбирательств в Суде, то, рассмотрев имеющиеся в его распоряжении документы и вышеуказанные критерии, Суд считает целесообразным присудить первому заявителю сумму в размере 1 000 евро.

С. Процентная ставка за просрочку платежа

139. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежа должна быть установлена в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

1. единогласно *решил* объединить с вопросами по существу дела возражение государства-ответчика об утрате статуса жертвы в отношении предположительно чрезмерной длительности производства по делу об определении места жительства, и признал жалобу приемлемой;
2. *постановил* единогласно, что государство-ответчик выполнило свои обязательства по статьям 34 и 38 Конвенции;
3. *постановил* четырьмя голосами против трех, что было допущено нарушение статьи 8 Конвенции;
4. *постановил* единогласно, что нарушения статьи 14 Конвенции допущено не было;
5. *постановил*, четырьмя голосами против трех,
 - (а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления данного постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить следующие суммы, переведенные в валюту государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты:
 - (i) 12 500 евро (двенадцать тысяч пятьсот евро) обоим заявителям совместно, включая любой налог, которым может облагаться эта сумма, в качестве компенсации морального вреда;
 - (ii) 1 000 евро (одну тысячу евро) первому заявителю, плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма, в качестве возмещения судебных расходов и издержек;
 - (b) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данные суммы начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка в течение периода просрочки, плюс три процентных пункта;
6. *отклонил* единогласно остальные требования заявителей о справедливой компенсации.

Составлено на английском языке, уведомление о постановлении направлено в письменном виде 23 октября 2018 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Фатош Араци
Заместитель Секретаря

Винсент Энтони Де Гаetano
Председатель

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда, к настоящему постановлению прилагается особое мнение судей Дедова, Лубарды и Полачковой.

В.Д.Г.
Ф.А.

СОВМЕСТНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ДЕДОВА, ЛУБАРДЫ И ПОЛАЧКОВОЙ

1. С сожалением отмечаем, что мы не можем согласиться с выводом большинства о наличии нарушения статьи 8 Конвенции в настоящем деле. Мы полагаем, что проведенный большинством анализ противоречит сложившейся прецедентной практике Суда, и, в частности, его выводу, сделанному в недавнем похожем деле «Леонов против России» (*Leonov v. Russia*) (жалоба № 77180/11, 10 апреля 2018 года). Мы считаем, что в настоящем деле, как и в деле «Леонов против России», решение на внутригосударственном уровне было вынесено в результате состязательного разбирательства, в ходе которого заявитель был поставлен в положение, позволяющее ему выдвинуть все аргументы в поддержку своего заявления о принятии решения об определении места жительства в его пользу, и в котором он также имел доступ ко всей соответствующей информации, на которую ссылались суды. Следовательно, процесс принятия решений был справедливым, поскольку он позволил заявителю полностью представить свою позицию, а причины, приведенные национальными судами, были значимыми и достаточными. Соответственно, приняв решение об определении места жительства в пользу матери, национальные суды не превысили свою широкую свободу усмотрения (см. пункты 74 и 76 постановления по делу «Леонов против России»).

2. В частности, рассмотрев оспариваемые решения национальных судов (см. пункты 22 и 25 настоящего постановления), мы не видим причин сомневаться в том, что эти решения были приняты, исходя из наилучших интересов ребенка. Национальные суды установили, что М. находилась в отпуске по уходу за ребенком и вскармливала второго заявителя грудью. Они сочли, что, принимая во внимание возраст второго заявителя и тот факт, что после расставания родителей его воспитывала мать, его дальнейшее проживание с матерью будет служить его наилучшим интересам. Ничего не указывало на то, что выводы, сделанные национальными судами, которые имели непосредственный контакт со всеми заинтересованными лицами, были необоснованными и, таким образом, не соответствовали их широкой свободе усмотрения. С учетом того, что национальные органы власти в принципе находятся в лучшем положении, чем судья международного суда, чтобы оценивать представленные им доказательства, задача Суда не заключается в том, чтобы подменять их в установлении и оценке фактов и определении того, что отвечает наилучшим интересам ребенка в настоящем деле (аналогичная мотивировка приводится в постановлении по делу «Леонов против России», пункт 72).

3. Что касается вопроса о заслушивании ребенка и получении заключения эксперта по поводу его взаимоотношений с каждым из родителей, то Суд отмечает, что по общему правилу, именно национальные суды должны оценивать представленные им доказательства, в том числе средства подтверждения соответствующих фактов. Было бы преувеличением утверждать, что национальные суды всегда должны опрашивать ребенка в суде или привлекать эксперта-психолога при рассмотрении вопросов о месте жительства ребенка, но этот вопрос зависит от конкретных обстоятельств каждого дела, принимая во внимание возраст ребенка (см. постановление Большой палаты по делу «Зоммерфельд против Германии» (*Sommerfeld v. Germany*), жалоба № 31871/96, пункт 71, ECHR 2003-VIII, и постановление Большой Палаты по делу «Сахин против Германии» (*Sahin v. Germany*), жалоба № 30943/96, пункт 73, ECHR 2003-VIII, оба упомянутые в постановлении).

4. Несмотря на то, что национальные органы власти решили, что в экспертном заключении психолога не было необходимости (см. пункт 17 постановления), они сослались на заключение органов опеки, составленное после выезда по месту жительства М., а также рассмотрели заключение психолога, который обследовал семью до расставания родителей (см. пункты 21 и 90 постановления). При таких обстоятельствах мы не убеждены в том, что неполучение заключения эксперта по вопросу о взаимоотношениях ребенка с каждым

из родителей являлось серьезным недостатком в судопроизводстве (см. заключение большинства в пункте 110 постановления).

5. Большинство также подвергло национальные суды критике за то, что они не дали объяснения, почему они не учли заключение органов опеки г. Санкт-Петербурга (и отклонили доводы первого заявителя, основанные на этом мнении) о предположительно более подходящих условиях и более широких возможностях для развития ребенка в Санкт-Петербурге (см. пункты 109 и 111 постановления). Мы считаем, что данного довода недостаточно для установления нарушения статьи 8 Конвенции. В постановлении по делу «Леонов против России» Суд был убежден в том, что решение на внутригосударственном уровне было вынесено по результатам состязательного производства, в ходе которого заявитель мог выдвигать свои аргументы в поддержку своей позиции (см. упомянутое выше постановление по делу «Леонов против России», пункт 74). Мы хотим добавить, что роль Суда при таких обстоятельствах должна ограничиваться наиболее фундаментальными факторами, предусмотренными Конвенцией, которые влияют на интересы ребенка (право на жизнь, человеческое обращение, уважение достоинства). В задачи Суда не входит оценка того, чьи жилищные условия лучше, чей дом больше и у кого больше денег для способствования развитию ребенка. Вместо этого, в соответствии с прочно сложившейся прецедентной практикой, Суд должен установить, приняли ли внутригосударственные органы власти во внимание какую-либо угрозу жизни и утверждения о жестоком обращении, а также другие факторы, указывающие на «серьезную угрозу» (см. постановление Большой Палаты по делу «Х против Латвии» (*X v. Latvia*), жалоба № 27853/09, пункты 107, 111 и 114, ECHR 2013). В настоящем деле имелось указание на наличие такой угрозы. Бывшая жена первого заявителя М. сообщила национальным органам власти о том, что ее муж кричал на нее. Согласно заключению психолога Л., такое поведение говорило о подавляемой агрессии в отношении М. с намерением доминировать над ней и унижать ее. Л. сочла, что в случае развода в лучших интересах ребенка будет проживание с матерью (см. пункты 8 и 13 постановления).

6. Суд избирает такую же методологию при рассмотрении другой категории дел относительно равноправия сторон. В деле «С.Б. против Австрии» (*C.B. v. Austria*) (жалоба № 30465/06, 4 апреля 2013 года), у Суда имелась возможность рассмотреть данный вопрос в ситуации конфликтующих экспертных заключений, подготовленных частным экспертом (в пользу заявителя) и экспертом, назначенным судом (против заявителя, из-за его «поведения, нарушающего общественный порядок» и опасности). Суд не установил нарушения пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции, поскольку отказ принять заключение частного эксперта в качестве доказательства, отказ позволить частному эксперту дать свидетельские показания, отказ в удовлетворении ходатайств о вызове дополнительных свидетелей и отказ задать некоторые неустановленные вопросы назначенному судом эксперту не поставили заявителя в более невыгодное положение по сравнению с противоположной стороной и, следовательно, не нарушали принцип равноправия сторон в рамках уголовного судопроизводства в его отношении. Суд был удовлетворен тем, что у заявителя имелось достаточно возможностей заявить отвод назначенному судом эксперту и представить любые доводы в свою защиту (см. упомянутое выше постановление по делу «С.Б. против Австрии», пункты 44 и 47).

7. В деле «С.Б. против Австрии» Суд привел несколько общих принципов относительно рассмотрения им доказательств:

«39. Суд также отмечает, что к его полномочиям не относится замена оценки фактов и доказательств, данной национальными судами, собственной оценкой и, как правило, именно национальные суды дают оценку представленным доказательствам. Суд должен установить, было ли разбирательство по делу в целом справедливым, включая способ получения доказательств (см. среди многих других источников постановление Суда от 22 апреля 1992 года по делу «Видал против Бельгии» (*Vidal v. Belgium*), пункт 33, Серия А № 235-В; упомянутое выше постановление по делу «Г.Б. против Франции» (*G.B. v. France*), пункт 59, и недавнее постановление от 10 июля 2012 года по делу «Грегачевич против Хорватии» (*Gregaćević v. Croatia*), жалоба № 58331/09, пункт 63).

40. Эксперт, как правило, помогает решить вопрос или проблему, затрагиваемую в разбирательстве, которую судья не может решить самостоятельно. Способ организации системы принятия доказательств в рамках уголовного судопроизводства главным образом остается на усмотрении Государств-участников. Роль Суда заключается не в том, чтобы заменять одну систему другой, а в том, чтобы убедиться в том, что существующая система в конкретном Государстве-участнике предусматривает достаточные гарантии справедливого судебного разбирательства и равноправия сторон по делу (см. постановление Большой Палаты по делу «Аль-Хавайа и Тахери против Соединенного Королевства» (*Al-Khawaja and Tahery v. the United Kingdom*), жалобы № 26766/05 и № 22228/06, пункт 118, ECHR 2011, и постановление Большой Палаты по делу «Гэфген против Германии» (*Gäfgen v. Germany*), жалоба № 22978/05, пункт 162, ECHR 2010, с дальнейшими ссылками).

44. ... Выше Суд уже указал, что в его задачи входит не организация внутригосударственной системы принятия доказательств в определенном Государстве-участнике, а в проверке того, имеются ли достаточные гарантии для заявителя для доступа в целом к справедливому судебному разбирательству....»

В настоящем деле у заявителя также имелась возможность оспорить экспертное заключение органов опеки Нижнего Новгорода и представить доводы в свою защиту. К сожалению, Суд не применил указанные выше принципы и, следовательно, по нашему мнению, отклонился от своей прецедентной практики в настоящем деле.

8. Обычно Суд принимает во внимание любые обстоятельства, относящиеся к препятствованию общению между членами семьи. Наличие таких обстоятельств должно быть установлено вне разумного сомнения (см., например, постановление Суда от 13 октября 2015 года по делу «С.Х. против Италии» (*S.H. v. Italy*), жалоба № 52557/14; постановление Суда от 12 июля 2016 года по делу «Крапивин против России» (*Krapivin v. Russia*), жалоба № 45142/14; и постановление Суда от 18 июля 2017 года по делу «МакИлврат против России» (*McIlwrath v. Russia*), жалоба № 60393/13). В настоящем деле большинство не установило каких-либо нарушений (касательно либо бездействия со стороны властей, либо враждебного поведения со стороны матери), которые могли бы продемонстрировать, что принятие решения об определении места жительства в пользу М. могло привести к полному прекращению общения с отцом и членами его семьи. Тем не менее, большинство пришло к выводу о том, что вмешательство не являлось пропорциональным преследуемой законной цели (см. пункт 113 постановления), не проведя какого-либо анализа того, имелось ли вмешательство, а также не определив характер законной цели и не проведя проверку пропорциональности. Вместо этого, Суд фактически ограничился оценкой того, была ли мотивировка, приведенная национальными судами, значительной и достаточной.

9. Кроме того, вопреки собственному выводу по статье 8 в настоящем деле, Суд при рассмотрении жалобы с точки зрения статьи 14 Конвенции признал, что решение об определении места жительства было основано на оценке наилучших интересов ребенка. Суд сослался на соответствующие обстоятельства настоящего дела (малолетний возраст ребенка, кормление грудью, отпуск по уходу за ребенком), которые должны были превалировать над предполагаемыми процессуальными недостатками, в результате чего Суд не установил нарушения статьи 8 (см. пункт 128 постановления).

10. Большинство сочло, что не было необходимости в рассмотрении вопроса о том, привели ли задержки в производстве по вопросу об определении места жительства к *de facto* разрешению дела, поскольку они уже установили нарушение статьи 8 Конвенции. Мы хотим подчеркнуть, что национальные суды фактически признали, что задержки в производстве по вопросу об определении места жительства нарушили права первого заявителя (см. пункт 53 постановления). Несмотря на то, что они признали неприемлемым требование о компенсации, поданное от имени ребенка, поскольку официально он не являлся стороной разбирательства по делу об определении места жительства, при рассмотрении требования первого заявителя они прямо признали, что задержки в производстве создали правовую неопределенность относительно места жительства ребенка и трудности в общении между ребенком и первым заявителем. Таким образом, они, по сути, признали, что определенные задержки в производстве также нарушили права ребенка. Очевидно, что осуществленный национальными судами подсчет общей продолжительности производства, а также суммы компенсации, соответствует практике Суда в делах о нарушении статьи 6 (см. постановление

Суда от 19 июня 2014 года по делу «Палачева против России» (*Palacheva v. Russia*), жалоба № 39814/04, пункт 61, и постановление Суда от 18 февраля 2016 года по делу «Фатеенков и другие против России» (*Fateyenko and Others v. Russia*), жалобы №№ 44099/04 и 9 других жалоб). Мы полагаем, что власти признали нарушение прав заявителя, гарантированных Конвенцией, и предоставили ему надлежащую и достаточную компенсацию. Таким образом, заявители более не могут утверждать, что они являются жертвами нарушения статьи 8 Конвенции в связи с длительностью производства. Это может считаться дополнительным фактором, приводящим к выводу о том, что национальные суды рассмотрели дело тщательным образом (см., в противоположность, вывод в пункте 112 постановления).

11. Наконец, мы не можем согласиться с тем, что недостатки в производстве (указанные в пункте 11 постановления) были настолько серьезными, чтобы привести к нарушению статьи 8 Конвенции. Ни один из этих аргументов (лучшие жилищные условия, прекращение матерью кормления грудью и окончание отпуска по уходу за ребенком) не был достаточным для принятия решения в пользу отца. Национальные суды не отклонили эти аргументы, представленные первым заявителем, но взвесили их с аргументами в пользу матери (психологическая и эмоциональная привязанность ребенка к матери; развод вследствие неоднократных унижений со стороны первого заявителя; малолетний возраст ребенка; хорошие жилищные условия, и т.д.). Мы полагаем, что Суд не должен решать, что поскольку кормление грудью было прекращено, ребенок должен был быть автоматически передан отцу. В отсутствие четкой методологии (другими словами, применение стандартов Конвенции) Суд может произвольно решать, была ли мотивировка национальных органов власти достаточной. В задачи Суда не входит замена оценки, данной национальными органами власти при осуществлении ими своих обязанностей относительно вопросов опеки над ребенком, собственной оценкой, или выступать в качестве суда четвертой инстанции, оценивая каждый аргумент. Суд должен установить, провели ли национальные суды тщательный анализ всей семейной ситуации в соответствии с общими принципами, изложенными в пункте 98 постановления. В своем апелляционном определении, указанном в пункте 25 постановления, областной суд осуществил оценку дела на основании тех же принципов, которые изложены в пункте 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 года № 10.